

ЖИЗНЬ

1910 г.
№ 52.



ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ



XLI г.
изданія

Выданъ 25 декабря 1910 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ для напечатанія въ „Жизнь“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непрерывно въ одинъ столбецъ (въ 1/4 ширины страницъ):
передъ текстомъ по 1 р. 50 к., послѣ текста по 1 р. Въ этому № прилагается „Поли. собр. соч. Кнута Гамсуна“ кн. 15.

Требуйте

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Вездѣ.

КАКАО СЮШАРЪ

GRAND-PRIX Парижъ 1910.

АГЕНТСТВА:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ: Ковенскій пер., 14.

МОСКВА: Тверская, д. 76.

ОДЕССА: Отрадная, 1.

ВАРШАВА: Вспульная, 64.

РИГА: Валовая ул.

Parfum
PRINCE IGOR
V. Rigaud,
Paris.



Духи „Князь Игорь“

В. Риго—Парижъ.

Rue de la Paix, 16.

34026

ЖЕЛЕ „ФИЛОДЕРМИНЪ“ ЛЕМЕРСЬЕ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БЪЛИЗНЫ КОЖИ, ЛИЦА И РУКЪ.

ЗАИКАНИЕ

дидакт. психологическій способъ, основанный на внушеніи. Лечебница К. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Чисто-Прудный буль., д. Тупицина. Проспектъ бесплатно. РУКОВОДСТВО къ самолѣченію—4 руб. съ пересылкой.

ПАМЯТЬ

укрѣпляетъ ЛИЧНО и ЗАОЧНО профессор мнемоники. Член. Париж. Акад., С. Файнштейн, ОДЕССА, Жуковская, 22/28. — Свою сист., польз. всемирн. известн. и трижды преміер. Париж. Ак., препод. в Россіи уже БОЛѢЕ 24 л. о больш. успѣх. 34012. Просп. выс. за 7 к. м. 2-2

РЕКОМЕНДУЕТСЯ

гг. Врачами

отъ РЕВМАТИЗМА.

Ц. больш. банки 1 р. 50 к., мал. 85 к., брошюр.: съ отв. врач. высыл. безпл. Складъ въ Москвѣ А. Гаусманъ, Б. Прѣсенъ, д. 36, кв. 46. Почтамтъ, ящ. 890.



SAGRADA BARBER

(САГРАДА БАРБЕРЪ)

укрѣпляетъ желудокъ,

слабитъ легко и нѣжно.

КОНТРЕКСЕВИЛЬ - ПАВИЛЬОНЪ

ЕСТЕСТВЕННАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА.
Мочегонная, слабительная, содѣйствующая перевариванію, лучшая столовая вода при мочевоомъ пескѣ, подагрѣ и ревматизмѣ.

Женская лѣчебница прив.-доц. д-ра Н. З. ИВАНОВА
МОСКВА, ПЕТРОВКА, ДОМЪ КАБАНОВА.

Кромѣ лѣченія женскихъ болѣзней электричествомъ, свѣтомъ, массажемъ, хирургическаго и пр., производится во вновь оборудованномъ

КАБИНЕТЪ ЛУЧЕЙ РЕНТГЕНА

ЛѢЧЕНИЕ X-ЛУЧАМИ нѣкоторыхъ женскихъ болѣзней, опухолей, нѣкоторыхъ незаразныхъ измѣненій кожи и нервныхъ.

Рентгено-графическіе снимки костей и внутреннихъ органовъ: сердца, легкихъ, почекъ, желудка, мочевого пузыря и проч. Опредѣленіе ихъ заболѣваній путемъ просвѣчиванія.

ПОСТОЯННЫЯ КРОВАТИ.

НОТЫ 10 КОП. ЭКЗ.

Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.

Москва, Садов., Триумф., 16. Катаж. безпл.

ЛѢЧЕБНИЦА И. И. ГИМИЛЕРЪ

Москва, Н. Басманная, д. 14.

для страдающихъ **ЗАИКАНИЕМЪ**

При лѣчбницѣ ПАЦИЕНТЪ. — ПЛАТА ПО ИЗЛѢЧЕНІИ. — Условія лѣченія высыл. безплотно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

(11-ой годъ изданія).

ЖЕНСКОЕ ДѢЛО

Программа журнала: публицистика, педагогика, гигиена, балетристика, театр и искусство, исторія, критика и библиографія, спортъ, моды, прикладное искусство и почт. ящикъ. Безплатныя приложенія для первыхъ 10.000 подписчиковъ. Подробное объявл. помѣщено въ „Нивѣ“ № 49 и высылается по требованію главной конторой журнала, Москва, Неглинный переул., 8. 3-3

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

ПРОДАЮТСЯ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ВЪ СОБСТВЕНН. МАГАЗИНАХЪ КОМПАНИИ.

Разсрочка
ПЛАТЕЖА



Ручныя
машины

отъ 1 РУБ.

отъ 25 РУБ.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

Остерегайтесь
ПОДДѢЛОКЪ

Магазины во всѣхъ
ГОРОДАХЪ ИМПЕРІИ.

ОТКРЫТА подписка на 1911 г.
на ежемѣсячный русскій модный журналъ
„НОВОСТИ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“
Журналъ ставитъ своей задачей знакомить со всѣми новостями моды и выходить въ объемѣ и форматѣ большихъ Вѣстникъ и Парижскихъ журналовъ.
Подписная цѣна: I изд. 8 р. за годъ, 4 р. за 1/2 года.
II изд. 9 р. за годъ, 4 р. 50 коп. за 1/2 года.
Редакторъ-издательница В. Герлахъ. Москва, Петлиная, 4.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почеркъ учениковъ. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 сем. жарокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса, Професс. Каллиграфъ Адольфъ ИОСОСДО, Дерibasовская, л. № 19.

Thüringisches
Technikum Ilmenau
Машиностроение и электротехника.
Отдѣленія для инженеровъ, техникумовъ и мастеровъ.
Дир. проф. Шмидтъ.

ТАНТАЛОВАЯ ЛАМПА
СИМЕНСЪ и ГАЛЬСКЕ.
30 МИЛЛІОНОВЪ
УСТАНОВЛЕННЫХЪ ЛАМПЪ

Имѣется въ
продажѣ всюду

САМАЯ ПРОЧНАЯ и самая распространенная
изъ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЛАМПЪ съ МЕТАЛЛИЧЕСКОЮ НИТЬЮ.

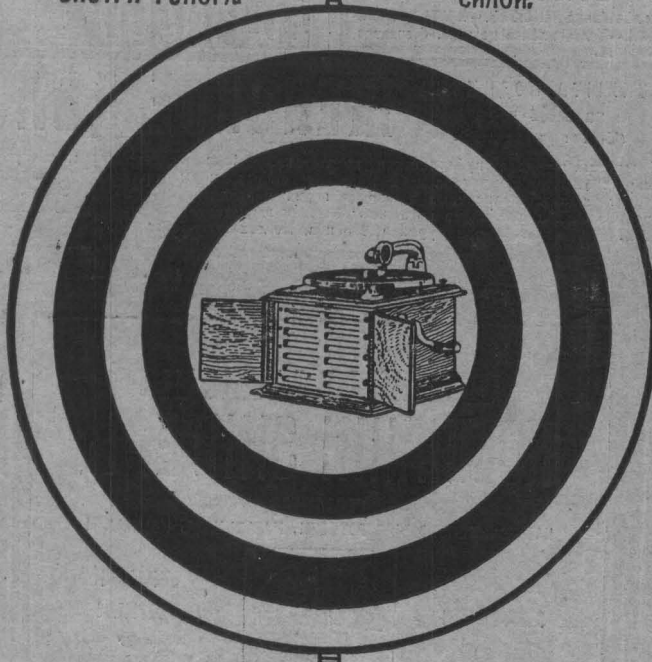


„Пишущій Амуръ“—гарантия качества.
САМЫЙ ЛУЧШІЙ БЕЗРУПОРНЫЙ ГРАММОФОНЪ
АМУРЪ ИДИЛЛІА I.

цѣною въ **35 РУБ.**

МЕХАНИЗМЪ УСТРОЕНЪ
ГЕНИАЛЬНО
ВНУТРИ РУПОРА.

ПЕРЕДАЕТЪ ЗВУКЪ
съ удивительной
СИЛОЙ.



ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА
РАСПОЛОЖЕНІЕ РѢШЕТКИ,
ДАБЫ УБѢДИТЬСЯ
въ совершенствѣ
РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ЗВУКА.

АБСОЛЮТНАЯ НОВОСТЬ
въ области
ГРАММОФОНОВЪ.
удобно и прочно.
цѣна **35 РУБ.**

ТРЕБУЙТЕ во всѣхъ лучшихъ ГРАММОФОННЫХЪ и МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.
Акц. О-во ГРАММОФОНЪ.

Главная контора, РИГА, Александровская улица, № 33.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Годъ изд.
7-й

„РОССІЯ“

Годъ изд.
7-й

въ 1911-мъ году будетъ выходить
съ приложеніемъ

ПОЛНАГО СТЕНОГРАФИЧЕСКАГО
отчета о засѣданіяхъ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ и систематическаго къ нему УКАЗА-
ТЕЛЯ (всего около 5000 страницъ).

Задачи газеты „РОССІЯ“ остаются тѣ же, какія поставлены были при ея основаніи. Среди русской партійной печати „РОССІЯ“ поставила своей задачей выносить взгляды и намѣренія Правительства по вопросамъ текущей Государственной жизни страны. Но, полагая главную задачу въ вынесеніи вопросовъ внутренней политики, „РОССІЯ“ обращаетъ серьезное вниманіе на духовное, нравственное, умственное и хозяйственное положеніе народа и старается дать всѣмъ явленіямъ его жизни безпартійное и безпристрастное освѣщеніе и отыскать законный путь удовлетворенія его законныхъ нуждъ и стремленій.

Ставя на первое мѣсто благо Имперіи, „РОССІЯ“ строитъ это благо на положительномъ законѣ, определяющемъ и охраняющемъ права всѣхъ гражданъ великаго Государства. Она вѣритъ въ духовныя силы народа-строителя Имперіи, вѣритъ въ его Государственный смыслъ и Государственное чувство.

Для правильнаго усненія международнаго положенія Имперіи, „РОССІЯ“ образовала обширный иностранный отдѣлъ и имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ мировой жизни.

По богатству и качеству даваемого матеріала «Россія» есть самая дешевая изъ русскихъ газетъ. Ея подписная плата съ приложеніемъ полнаго СТЕНОГРАФИЧЕСКАГО ОТЧЕТА о засѣданіяхъ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, съ доставкой и пересылкой—4 рубля въ годъ, 2 р. 40 к. на полгода, 1 р. 20 к. на три мѣсяца и 40 коп. на одинъ мѣсяць.

Адресъ: Гл. Конт. газеты „Россія“ СПб., Невскій пр., 112.

33857 3-3

Редакторъ-издатель А. А. Животовскій.

Требуйте подробное объявленіе.

26-й г. изданія. ПОДПИСКА на 1911 г. ОТКРЫТА. 26-й г. изданія.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

духовно-литерат. ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛЪ для семьи и школы.

52 №№ ЖУРНАЛА, **2000** ст. текста извѣстныхъ духовн. и свѣтск. писат., свыше **600** иллюстрац., отражающихъ духъ-нравственную жизнь прошлаго и настоящаго.

12 КНИГЪ **СВѢТОЧЪ**
свыше 2.500 ст. больш. формата.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ съ многочисл. иллюстрац. и снимками съ картинъ извѣстн. художниковъ.

Въ „Свѣточѣ“, программа котораго въ 1911 году значительно расширяется, будутъ, при участіи выдающихся силъ современной литературы и искусства, помѣщаться: историческіе и идейно-бытовые повѣсти и рассказы; легенды, сказанія и преданія старины; историч. и историко-археологич. очерки; рассказы изъ быта духовенства; естественно-научныя и историко-философскія статьи; записки, воспоминанія и дневники выдающихся русскихъ духовныхъ и историч. дѣятелей; повѣсти и рассказы, рисующіе вредъ пьянства; критич. очерки о творчествѣ лучшихъ художниковъ; новости историч. литературы; художественныя жизнеописанія великихъ подвижниковъ и выдающихся русскихъ историч. и современныхъ дѣятелей на поприщѣ добра и истины; отзывы о новыхъ историческихъ книгахъ; научныя новости и открытія и т. д.

Видное мѣсто въ „Свѣточѣ“ будетъ уделено юбилейнымъ событіямъ: историч. освобожденія крестьянъ, событіямъ Смутаго времени (1611—1613 гг.). Отечественной войнѣ 1812 г. и т. п.

„Свѣточъ“ своимъ разнообразнымъ, увлекательнымъ содержаніемъ и благороднымъ направленіемъ стяжалъ себѣ всеобщія симпатіи и удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ печати.

10 КНИГЪ **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ Св. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО**
1.500 страницъ больш. формата.

Творенія св. Василія Великаго—этого знаменитѣйшаго „вселенскаго учителя“ и отца церкви,—охватывающія рѣшительно всѣ области и вопросы христіанской жизни, оставили по себѣ глубочайшій слѣдъ въ исторіи церкви и умахъ всего человѣчества; они—тотъ краеугольный камень, на которомъ незлыблемо зиждется величественное зданіе христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Эти творенія истиннѣ должны быть настольной книгой каждаго православнаго христіанна.

6 КНИГЪ **Блаж. ВЕОФИЛАКТА, СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНІЕ НОВАГО ЗАВѢТА,**
1.000 страницъ больш. формата. Архiep. БОЛГАРСКАГО.

а именно: Дѣяній Апост., всѣхъ Соборныхъ посланій и посланій апост. Павла. Все, что было высказано св. отцами о Новомъ Завѣтѣ, блаж. Веофилактъ собралъ воедино и составилъ величественный трудъ, который отъ начала до конца носитъ на себѣ печать святоотеческихъ твореній.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 5 РУБЛЕЙ. 6 РУБ. Съ доставк. и перес. по всей Россіи. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальн.

Главная Контора: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собств. д.

НИВА



ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLI г.

№ 52

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLI

1910

Выходитъ еженедельно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. А. В. ПИСЬМЕНСКАГО, В. М. ГАРШИНА и КНУТА ГАМСУНА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 25-го декабря 1910 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на $\frac{1}{4}$ года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. Кнута Гамсуна“ кн. 18.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1911 г.



Д. Рейнольдсъ. Самуиль.

Судьба.

Романъ А. М. Водорова.

(Окончаніе).



XV.

Таня была въ бѣломъ, гладко обтянутомъ, платьѣ, но безъ шлейфа и фаты. На ея черныхъ волосахъ, поднятыхъ на затылкѣ пышнымъ узломъ, былъ приколотъ бантъ изъ бѣлыхъ лентъ, концы которыхъ спадали до самаго низа платья.

Она была блѣдна и, повидимому, очень утомлена всей этой церемоніей. Вслѣдъ за ними прислуга внесла уже разлитое по бокаламъ шампанское, обнося всѣхъ.

— Прощу, — торжественнымъ жестомъ пригласилъ Валерій. Быстрицкому понравился этотъ знакъ вниманія, оживившій ихъ приходъ.

— Это пріятно. Мнѣ бы и въ голову не пришло шампанское, — сказалъ онъ, принимая бокаль.

— А у меня шампанское послѣднее время не выходитъ изъ головы, — сострилъ Валерій.

Видя, что игуменья не взяла своего бокала, онъ поднесъ ей его самъ:

— А вы, тетя?

Но она тихо отстранила его руку:

— Мой санъ мнѣ не позволяетъ, дружокъ мой.

И обратилась къ приблизившейся къ ней Танѣ:

— Я такъ поцѣлую тебя. — Она привлекла къ себѣ овѣянное печальной думой личико Тани. — Желаю тебѣ душевнаго мира, — сказала она коротко, но такъ значительно, что Танѣ показалось, будто было сказано много и трогательно.

Валерій, у котораго очутилось по бокалу въ каждой рукѣ, чокнулся со всѣми и дурашливо возгласилъ, желая поднять настроеніе:

— Мой стаканъ малъ, но я пью изъ двухъ стакановъ.

И, одинъ за другимъ, залпомъ выпилъ оба бокала.

Таня, окинувъ комнату взглядомъ и желая сказать тетѣ пріятное, благодарно восхитилась:

— Я только сейчасъ замѣтила, тетя, какъ вы все хорошо тутъ устроили!

— Позвольте и мнѣ васъ поблагодарить, — подошелъ къ ней Быстрицкій, ожидая, что она протянетъ ему руку для поцѣлуя.

Но она, не поднимая опущенныхъ рукъ, принуждена была отклонить его благодарность:

— Вамъ благодарить меня не за что: вашей комнаты коснуться я не рѣшилась.

И, опять обратившись къ Танѣ, она, какъ бы извиняясь, сказала:

— Дитя мое, я пройду въ дѣтскую и прошусь.

Таня хотѣла пойти съ ней, но Быстрицкій, почувствовавъ уколъ, поднялъ глаза. Ни Агишевъ ни Валерій ничего не замѣтили. Танѣ стало жалко его.

— Я тоже сейчасъ приду, тетя, — сказала она ей вслѣдъ.

Агишевъ сознавалъ необходимость сказать рѣчь, но слова не шли, а волненіе все больше охватывало его.

— Дочь моя, — дрожащимъ голосомъ началъ онъ: — ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Онъ, растроганный, махнулъ рукой на слова и обнялъ дочь, забывъ въ рукахъ пустой бокаль.

Валерій не сдержался, чтобы не подтрунить надъ отцомъ:

— Достань, папа, Cœur de Jeannette! Да, дѣйствительно, слѣдовало бы сказать пріветственную рѣчь и, кажется, рѣчи, это изъ моей специальности адвоката, но... папа мнѣ въ наслѣдство не оставилъ даже краснорѣчія.

Какъ разъ въ эту минуту на порогѣ гостиной появился Меликовъ, и, такъ какъ его никто не замѣтилъ, онъ успѣлъ подавить дрожь сердца, мѣшавшую ему дышать. Онъ увидѣлъ цвѣты свои,

такъ грустно взглянувшіе на него изъ угла. Они казались такими же чужими здѣсь, какъ почувствовалъ себя онъ. Можетъ-быть, его здѣсь даже и не ждали и забыли о немъ. Скорбь мгновеннымъ огнемъ опалила его сердце. Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Не лучше ли ему было прямо пойти къ себѣ, въ свой номеръ, и тамъ подвести итоги, насколько онъ нуженъ. Или пробродить этотъ часъ въ тѣхъ глухихъ углахъ города, куда онъ пошелъ изъ церкви. Мрачныя фигуры попадались тамъ ему навстрѣчу: нищія, пропойцы; но они жили; вѣроятно, у нихъ есть, для чего жить. Странная штука жизнь. Вотъ онъ три десятка лѣтъ даже не думалъ, для чего живетъ. Если живетъ, значить, кому-то и для чего-то нуженъ, и, значить, по мѣрѣ силъ долженъ дѣлать то, что обязанъ дѣлать каждый порядочный, трезвый въ жизни человѣкъ. Онъ учился, накоплялъ средства для себя и другихъ, чтобы лучше работать, больше приносить людямъ пользы; даже заботился о богатствѣ и былъ скуповать, какъ большинство работниковъ, добывающихъ свой хлѣбъ у земли, ибо и земля сама скупа и отзвучива только на тяжелый трудъ и умную заботу. И вотъ случайная встрѣча, маленькое, хрупкое созданье — и центръ тяжести сразу перемѣтился. Можно ли было избѣжать этой встрѣчи? Уйти отъ нея? А развѣ кто-нибудь знаетъ, весело выходя на прогулку, что налетитъ знойный вѣтеръ, захватитъ дыханіе, и источникъ огня станетъ быстро оскудѣвать въ человѣкѣ?

Онъ увидѣлъ всю ея фигуру со спины, тонкую и невинную, край ея щеки и подъ черными волосами, какъ подъ ревнивой волной, розовую раковину уха; и было дико и странно думать, что это опустошеніе произвела она. Вотъ она ушла съ этимъ человѣкомъ, къ которому у него не было ни ненависти ни даже зависти, и навсегда и все унесла съ собой.

Онъ твердой походкой направился къ ней:

— Простите, я не успѣлъ поздравить: въ церкви было душно, и я вышелъ раньше. Я желаю тебѣ, Таня, хорошаго и свѣтлаго счастья.

Онъ запнулся и, какъ бы обдумывая дальнѣйшія свои слова, приложилъ палецъ къ губамъ и смотрѣлъ на нее глазами, освѣненными теплымъ свѣтомъ.

— Но и въ счастья, иногда на самой зарѣ его, бываетъ... — Онъ сдѣлалъ медлительное движеніе рукой, отъ котораго на нее повѣяло непонятнымъ холодкомъ, — налетитъ черное облако. Надо только на время закрыть глаза, а потомъ, когда ихъ откроешь, все разсѣялось.

Рука Быстрицкаго протянулась къ нему и пожала холодную руку:

— Спасибо, Викторъ Александровичъ. Положеніе новобрачныхъ всегда, знаете, стѣснительно и даже глупо, особенно когда начинаются пріветствія и поздравленія, но я сейчасъ не только не чувствую этого, а, наоборотъ, мнѣ кажется, что нами, — съ удареніемъ произнесъ онъ послѣднее слово: — одержана побѣда, и больше всего вами, Викторъ Александровичъ.

Онъ такъ отчетливо выговаривалъ каждую букву: А-ле-ксан-дровичъ.

Танѣ это было непріятно. Она подняла глаза на Меликова.

Но лицо того стало безразлично-спокойно.

Агишевъ съ восторгомъ подхватилъ:

— Bravo! Вотъ это вѣрно!

— И ужасно, какъ великодушно, — не сдержался Валерій, у котораго отъ шампанскаго засвѣтились глаза тонкой насмѣшкой.

Но Агишеву достаточно было выпить бокаль шампанскаго, чтобы чувствовать себя добрѣе и словоохотливѣе. Своей красивой рукой онъ сдѣлалъ въ воздухѣ жестъ удовольствія и продолжалъ, охватывая всѣхъ ласковымъ взглядомъ:

— Меня одно особенно восхищаетъ, что все это произошло такъ легко.

Онъ замѣтилъ на себѣ тревожный взглядъ Тани.

— Я хочу сказать: особенно приятно, что все обошлось без этих ссоръ и драмъ, которыя въ такихъ случаяхъ портятъ все дѣло.

Онъ опять расчувствовался:

— Я бы, какъ отецъ, кажется, не вынесъ этого теперь.

Таня, опасаясь, что кто-нибудь изъ нихъ двоихъ скажетъ безтактность, хотѣла сказать что-то другое, чтобы прекратить этотъ разговоръ, но сказала:

— Нѣтъ, папа, это не такъ.

Она во всё глаза глядѣла на Меликова, и взглядъ ея былъ полонъ восторга:

— И не можетъ быть такъ. Я о себѣ не хочу ничего говорить, но знаю, что Викторъ Александровичъ...

Меликовъ сдѣлалъ къ ней мягкое движеніе, чтобы остановить... Ей показалось, что она о немъ все сказала, и торопливо закончила:

— Иначе, это не имѣло бы дѣны... Это... вы понимаете...

Для кого все это она говорила? Ему ужъ это было не нужно.

— Напрасно, Таня. Право, ты ошибаешься.

Ея состояніе переходило въ экстазъ. Ей казалось, что Быстрицкій недостаточно цѣнить его дѣйствительно высокое великодушіе, и она думала, что своими словами открываетъ ослѣпительно прекрасную истину:

— Я хочу, чтобы мужъ мой зналъ это. То, что тебѣ не могло быть легко, еще болѣе возвышаетъ тебя.

„Зачѣмъ я пришелъ сюда?“—съ еще большей остротой подумалъ Меликовъ.

Его какъ будто ужъ не считали за живого человѣка и на голову одѣвали ему побѣдный вѣнокъ, котораго онъ не заслужилъ, который былъ ему противенъ, и шпы котораго, не замѣчаемые ими, до крови кололи его живое тѣло:

— Да нѣтъ же, все, что вы говорите, не то. И я никакъ не могу на себя принять чести этой, какъ вы выражаетесь, побѣды. Съ моей стороны все это гораздо проще.

Такъ принималъ это и Быстрицкій. Хотя экстазъ Тани не только не вызывалъ въ немъ ревниваго чувства, но былъ ему даже приятенъ, ему хотѣлось слить его съ своимъ дружелюбнымъ и почтительнымъ отношеніемъ къ Меликову:

— Ну, да, конечно, дѣло не въ словахъ. Но то, что мы здѣсь вмѣстѣ, возвышаетъ это событіе до той вершины, на которой оно является не условнымъ пережиткомъ, а истиннымъ символомъ.

Эти слова показались Меликову книжными. Онъ никогда не принималъ этого человѣка и считалъ, что они изъ разнаго тѣста.

Зато Агишеву оказались одинаково близки и тотъ и другой. И онъ былъ убѣжденъ, что настоящее слово здѣсь принадлежало ему:

— Я совершенно понимаю васъ, но понимаю и Виктора Александровича, потому я такъ и сказалъ. Онъ,—указывая жестомъ на Меликова, торжественно продолжалъ отецъ:— съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ Таню. Достаточно было сознанія, что человѣкъ по природѣ свободенъ,—и эти драмы оказались нелѣпностью.

Валерій, уже успѣвшій за это время нѣсколько разъ навѣдаться къ шампанскому, безцеремонно вторгся въ ихъ бесѣду:

— Да будетъ вамъ философствовать! Пойдемте лучше въ столовую. Неужели вы не проголодались?

Агишевъ съ удовольствіемъ послѣдовалъ за Валеріемъ.

Быстрицкій деликатно понялъ, что Меликову будетъ особенно тяжело присутствовать за этой свадебной трапезой и, можетъ-быть, въ послѣдній разъ прощаться съ Таней при всѣхъ, среди бутылкокъ и всякой снѣди. Надо было оставить ихъ вдвоемъ. Онъ имѣлъ право, какъ хозяинъ, послѣдовать за тѣми.

Оба были признательны ему за эту деликатность, но, оставшись вдвоемъ, почувствовали себя страшно стѣсненными... Надо было сказать что-то другъ другу. И это особенно сознавала она. Слова, которыя у нея вырвались передъ этимъ, не выражали ничего. Произошло такъ страшно много, и такъ мало было ими сказано словъ. Страдательнымъ лицомъ все время оказывался онъ, и нельзя было не понимать, что вынести все то, что онъ вынесъ, могъ только человѣкъ беззавѣтно любящій. Чѣмъ же она вознаградила его за это и что сдѣлала, чтобы облегчить его страданія?

И, можетъ-быть, въ первый разъ въ эту минуту она увидѣла себя нищей передъ нимъ, и нечѣмъ было ей отплатить ему хотя бы за одну крупницу его любви и доброты.

Онъ былъ для нея другомъ, болѣе чѣмъ другомъ. Она вовсе не замѣняла его Быстрицкимъ, и если бы ей пришлось выбирать, кого изъ двухъ лишиться навсегда, она и сама не могла бы отвѣтить. Сейчасъ онъ былъ безконечно дорогъ ей, и это была не привычка, а чувство истинной близости, которой пока еще у нея съ Быстрицкимъ не было.

И вотъ только теперь, когда она теряла права на любовь и вѣрность этого человѣка, ей показалась чудовищной мысль, что такой близости съ тѣмъ можетъ не быть. И такъ жадно хотѣлось удержать хоть одно звено этой прошлой связи.

Она посмотрѣла на спину этого большого и сильнаго человѣка, который стоялъ и молча смотрѣлъ на бѣлые цвѣты сирени.

„Откуда эти цвѣты?“—подумала она.

И потому, что это была бѣлая сирень, его любимые цвѣты, она догадалась, что цвѣты отъ него. И острѣе стали сожалѣнія и глубже нѣжность.

Но онъ остановился у цвѣтовъ и не замѣчалъ ихъ. Онъ думалъ: „сейчасъ надо сказать послѣднее слово, и надо было, чтобы это слово не оставило пустого, плоскаго слѣда. Лучше было бы разстаться молча“.

Онъ былъ радъ, что вошла игуменья. Стѣснить ихъ она не могла, а при другихъ, даже самыхъ близкихъ, слова не то, что съ глазу на глазъ: они сглаживаются.

Игуменья застала ихъ молчавшими и постигла смыслъ ихъ молчанія и то, что ея присутствіе не только не помѣшаетъ имъ, а, можетъ-быть, и принесетъ успокоеніе. Она шла отъ ребенка, и ей не нужно было искать слова, чтобы это молчаніе облегчить.

— Какъ славно онъ спитъ. Чтò ему, что здѣсь ради него совершилась такая великая тайна!—обратилась она съ этими многозначущими словами къ Меликову, протягивая руку.

И какъ это было хорошо, что сейчасъ все смутное освѣтилось этими словами. И это дало ей силу говорить передъ ними о томъ, что передъ ней стояло неотложной задачей.

— Настаетъ часъ. Я не знаю, какъ смогу открыть все. Я не слабая, я вынесу все, но то, о чемъ я думала, какъ о великой радости, сейчасъ пугаетъ меня, не знаю почему.—А, между тѣмъ, это для него должно быть откровеніемъ.—Если бы вы не увѣжали... Ну, хоть сегодня...—обратилась она къ Меликову, сама понимая, что это невозможно.—А вы куда? Въ деревню?—спросила его игуменья.

Онъ отвелъ отъ нея глаза и утвердительно кивнулъ головой.

— Увѣжаетъ,—почти съ дѣтскимъ отчаяніемъ воскликнула Таня.

Откуда-то изъ темноты кольнула мысль, что она теряетъ его навсегда. И въ глазахъ ея застылъ вопросъ: А какъ же я буду?

Игуменья любовно обняла своей увядающей рукой ея неокрѣпшія дѣвичьи плечи:

— А ты чтò же думала, что онъ останется съ тобой, какъ солнце или воздухъ?

Да, это было настоящее слово: онъ ей былъ необходимъ, какъ солнце и воздухъ.

Онъ смотрѣлъ на эти двѣ фигуры, бѣлую и черную, прильнувшія одна къ другой, и его болѣзненно настроенную на одномъ мысль неприятно рѣзнуло это сляніе бѣлаго и чернаго. „Точно день и ночь“,—подумалъ онъ. Захотѣлось подойти и разъединить ихъ, чтобы на эту бѣлизну молодости и неувѣднннн не падало смущающей тѣни отъ этой черной рясы.

Но онъ не сталъ между ними, а подошелъ къ нимъ.

Таня освободилась отъ объятія монахини, взяла его руку, и такъ потянуло припасть къ ней губами. Но это слишкомъ смутно бы его. И она только сказала:

— Ты должень очень страдать.

Онъ постарался сказать какъ можно проще:

— Ну, полно, съ чего ты взяла. Развѣ ты не видишь?

Она взглянула въ него: лицо было совершенно спокойно.

— Минѣ не слѣдовало даже заходить сюда, чтобы ты не смущалась.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это хорошо, что ты здѣсь. Я вѣрю тебѣ. Я вѣрю,—добавила она уже для себя.

Хотѣлось оторваться отъ какой-то точки въ мысли, которая ее безпокоила. Она безотчетно искала отвлеченія и заговорила, можетъ-быть, нестати, о Саяновой:



А. Нордбергъ. Изъ сказки „Алеша Поповичъ“.



Жоржъ Лостъ. Что повелѣлъ Господь — и что сдѣлалъ человекъ.

— Я знаю, что ты достойна лучшей жены. Я вам говорила, тетя, что его любить чудная дѣвушка, сосѣдка по имѣнію. Ты навѣрно въ концѣ концов женишься на ней, — поспѣшила она заключить. — Я бы желала, чтобы ты женился и былъ счастливъ.

Но игуменя въ ея тонѣ не услышала этого желанія.

А Меликовъ съ загадочной улыбкой отвѣтилъ:

— Можетъ-быть, такъ оно и будетъ.

И Таня съ легкой грустью вполголоса сказала:

— И навѣрно этотъ бракъ будетъ вѣчнымъ.

И Меликовъ съ прежней улыбкой повторилъ ея послѣднія слова:

— Будетъ вѣчнымъ, за это можно поручиться.

Таня приняла эту улыбку и тонъ, какъ дразнящую шутку:

— А вдругъ я стану ревновать тебя къ ней?

Улыбка сошла съ лица Меликова:

— Не надо шутить такъ.

XVI.

Агишевъ, не дождавшись новобрачной въ столовой, предложилъ всей компаніи пойти къ нимъ. Они съ Валеріемъ уже порядочно выпили и объ руку вошли въ гостиную.

Агишевъ говорилъ добродушно Быстрицкому:

— А знаете, мнѣ нравится, что у васъ все тихо: безъ шума, безъ этой помпы.

Онъ увидѣлъ сестру въ отдаленіи отъ Меликова и Тани, неподвижную и печальную. Воспоминаніе о послѣдней бесѣдѣ съ ней опять погрузило его въ чувствительное состояніе, и покраснѣвшіе отъ вина глаза его налились слезами. Онъ нѣсколько театрально простеръ къ ней руки:

— Боже мой, сестра, неужели мы никогда не увидимся?

Тонкія фіолетовыя жилки около глазъ и носа проступили ярче сквозь дряблую кожу.

Валерій пріятельски положилъ руку на плечо отца:

— Знаешь, папа, въ комъ шампанское начинаетъ плакать, тому надо перестать не только любить, но и пить.

Этотъ моментъ игуменя нашла самымъ удобнымъ, чтобы со всѣми распрощаться.

Она первую обняла Таню:

— Прощай. Храни тебя Господь.

Она низко поклонилась всѣмъ, и всѣ молча двинулись къ ней.

Подожелъ и Меликовъ и вслѣдъ за другими поцѣловалъ ея руку.

Агишевъ обратился къ нему:

— И вы сейчасъ уѣзжаете, Викторъ Александровичъ? Къ себѣ? Домой?

— Да, — отвѣтилъ тотъ.

Быстрицкій почувствовалъ необходимость сказать что-то Меликову на прощанье, подходившее къ нему.

— Вѣдь вы на лошадяхъ. Это отлично. Степь... синеватый, холодный мѣсяцъ и звѣзды. Во всемъ этомъ есть что-то глубоко древнее, чтò, правду сказать, только въ Россіи видишь и переживаешь. Ыдешь-ыдешь... безлюдье, тишина... и, кажется, конца нѣтъ ни степи, ни дорогѣ, ни ночи, и что это путь къ самой вѣчности.

Агишевъ все это постарался представить себѣ и даже сладко зѣвнулъ:

— Я, признаться, въ такой дорогѣ спать люблю. А вы, Викторъ Александровичъ?

— Я тоже, — отвѣтилъ Меликовъ и простился съ Быстрицкимъ.

Агишевъ не унимался:

— И навѣрное сейчасъ же заснете?

— Навѣрное. Прощайте.

Агишевъ обнялъ его и чувствительно-громко расцѣловался.

Меликовъ еще разъ взглянулъ на Таню и повернулся уходить.

У Тани сжалось сердце. Она рванулась къ нему, почувствовала, что слабѣетъ, дрожать ноги.

— Пойдите, — остановила его она.

Всѣ обернулись. И онъ обернулся. Она покраснѣла.

— Пойдите. Я что-то хотѣла сказать...

Но словъ не нашлось. Она невѣрными шагами направилась къ корзинѣ съ бѣлой сиренью, оторвала вѣточку и, близко подойдя къ нему, почти касаясь его платьемъ, стала пристегивать къ борту его сюртука цвѣтокъ.

Онъ видѣлъ, какъ дрожать ея руки, которыя ему въ послѣдній разъ захотѣлось поцѣловать, обливая горькими слезами.

Но всѣ, не исключая Быстрицкаго, съ такимъ сочувствіемъ смотрѣли на него, что онъ подумалъ:

„Скорѣ бы все это кончилось“.

Когда цвѣтокъ, дрожа еще, бѣлѣлъ на его сюртукѣ, она съ непонятнымъ трепетомъ, едва слышнымъ голосомъ спросила:

— А глаза у нея какіе?

Это было такъ неожиданно, что онъ съ испуганнымъ вопросомъ взглянулъ на нее:

— Какіе глаза... у нея?

Валерій, поймавъ эти слова, заодно ворвался въ бесѣду:

— У кого глаза?

Таня съ насильственной улыбкой отвѣтила:

— Это нашъ секретъ.

Меликовъ понялъ наконецъ, о чемъ она спросила, и ему показалось это забавнымъ:

— Ахъ, да, глаза, — съ разстановкой сказалъ онъ. — Глаза... впалые.

Онъ торопливо вышелъ въ переднюю и лицомъ къ лицу встрѣтился съ монахиней, которая уже въ клубукѣ, со спущеннымъ до низу мягкимъ крѣпомъ, шла въ послѣдній разъ взглянуть на племянницу и благословить ее.

Эта траурная фигура заставила его вздрогнуть и отшатнуться. Онъ оглянулся: никто этого не видѣлъ. Онъ далъ ей пройти мимо себя, больше всего боясь, что она какъ-нибудь можетъ задержатъ его.

Но она прошла.

Послышался голосъ Валерія:

— Подождите, Викторъ Александровичъ, вмѣстѣ выйдемъ.

Но онъ не отозвался.

Таня слышала, какъ хлопнула за нимъ дверь. Она, холодея почувствовала, что теряетъ опору, и испугалась, что всѣ сейчасъ уйдутъ, и она останется съ нимъ одна.

Вдругъ увидѣла въ дверяхъ фигуру игуменя... бросилась къ ней и вся прижалась, стараясь подавить охватывающій ее страхъ.

Быстрицкаго давно уже тяготило все это, но изъ вѣжливости онъ спросилъ Валерія, торопившаго отца:

— Вы куда же теперь?

— Мы съ папой въ клубъ. Сегодня должна быть счастливая игра, такъ какъ мы наконецъ убѣдились, что несчастливы въ любви.

Агишевъ дернулъ его за рукавъ:

— Ну, нѣтъ, Валерій, мы должны проводить...

Онъ растерялся, не зная, какъ умѣстишь сейчасъ назвать игуменью: тетей или сестрой.

Это вызвало улыбки.

Игуменя махнула на него рукой:

— Идите съ Богомъ. Ты знаешь, что я не люблю, когда меня провожаютъ.

Отецъ и сынъ съ прощальной миной поочередно приложились къ ея бѣлой рукѣ, туго обтянутой у кисти чернымъ обшлагкомъ, и каждый ощутилъ на своемъ лбу мимолетное прикосновеніе сухихъ губъ.

Быстрицкій вышелъ за ними въ переднюю проводить ихъ.

Игуменя взяла легкими руками голову Тани, привлекла къ себѣ и поцѣловала ее въ оба глаза, полные слезъ.

— Ну, вотъ, Таня, я сейчасъ чувствую себя обязанной, какъ мать, оставить тебѣ послѣдній завітъ. Но я теперь вижу, что я не знаю жизни, да и знаетъ ли ее кто-нибудь? Чтò было „да“ для нынѣшняго дня, завтра — „нѣтъ“. Не только каждый день, каждый мигъ измѣняется жизнь, и въ каждомъ по-своему. У меня опыта нѣтъ, да и вижу я, что нельзя однимъ ключомъ отпирать разные замки. Поэтому, можетъ-быть, и лучше въ дѣлахъ жизни простота, — простота своя, у которой умъ и совѣсть главные хозяева. Одно еще познала я, что нужно осторожно обращаться съ чужой волей, и если даже къ царству небесному стремишься, нельзя изъ другого сердца дѣлать себѣ ступеньку для этого.

Таня слушала съ поникшей головой. Игуменя простерла надъ ней свои благословляющія руки, и само молчаніе молитвенно остановилось съ ними.

Потомъ эти руки опустились Танѣ на плечи, и, не прибавивъ больше ни слова, игуменя направилась съ ней къ выходу.

XVII.

Они остались вдвоемъ.

Быстрицкій послѣ молчаливаго прощанія съ нимъ монахини чувствовала холодную тѣнь на сердцѣ, упавшую отъ ея рясы.

Таня, все еще подъ впечатлѣніемъ ея послѣднихъ словъ, не могла заговорить съ мужемъ и молча пошла въ дѣтскую одна.

Его это кольнуло.

— Таня!—тихо остановилъ онъ ее.

Она полуобернулась и нерѣшительно сказала:

— Я шла взглянуть на ребенка. Можно пойти вмѣстѣ.

— Я буду тебя ревновать къ нему.

Онъ въ первый разъ полусутоливо сказалъ ей „ты“.

— Да, я очень люблю его, — и она совсѣмъ обернулась къ нему и значительно прибавила: — и вы его полюбите скоро.

— Вѣроятно. Но мы пойдемъ послѣ. А сейчасъ побудемъ вдвоемъ.

Онъ подошелъ къ ней, но какъ-то не рѣшался коснуться ея.

— Здѣсь такъ хорошо. И эти цвѣты... — искалъ онъ словъ, чтобы удержать ее.

— Это все Викторъ Александровичъ.

— Бѣлая сирень, — цѣплялся онъ за случайное. — Ты похожа на нее. Вѣдь я могу говорить тебѣ „ты“?

Онъ взялъ ея руки.

— У тебя и руки прохладныя, какъ цвѣты.

Онъ съ нѣжностью всматривался въ ея черты:

— Въ твоемъ лицѣ, въ твоихъ движеніяхъ та ясность и чистота, какая бываетъ только у дѣвушекъ.

Она подняла на него глаза и покраснѣла:

— Я рада.

Онъ замѣтилъ, что это ей нравится, и продолжалъ:

— Нелзя представить, что ты уже мать.

Этими словами онъ разсѣвалъ ея стѣненіе и облегчалъ то, что она должна ему сказать.

— Я рада, что ты говоришь это, — сказала она ему просто „ты“. — Вотъ ужъ у меня и нѣтъ страха. Вотъ я стою и свѣтло смотрю на будущее. Я вѣрю, что все устроится хорошо.

Быстрицкій перебиралъ ея пальцы и, тихо сжимая ихъ, привлекалъ ее къ себѣ.

Тогда прежній трепетъ снова сталъ охватывать ее вмѣстѣ съ цѣломудренной жуткостью.

— Отчего такъ холодны твои руки? Дай я согрѣю ихъ, — говорилъ онъ неестественнымъ голосомъ, касаясь губами ея пальцевъ.

Трепетъ и жуткость все больше овладѣвали ею. Она не видѣла, но чувствовала его вопросительно ищущіе ея отвѣтнаго взгляда глаза:

— Не сейчасъ, не сейчасъ...

Она нервно шевелила пальцами, желая высвободить свои руки.

— Я должна сказать раньше. Я должна сказать все.

Ей казалось, что она слышитъ, какъ бьется сердце Быстрицкаго, и его сухое дыханіе съ его словами касаются ея щекъ.

— Развѣ не все сказано?.. Развѣ ты не моя теперь? Развѣ я не отвоевалъ тебя послѣ долгой борьбы съ тобой и съ собой?

Но она говорила только одно:

— Да, да. Но раньше я должна сказать все.

Онъ неестественно засмѣялся и снисходительно замѣтилъ, думая, что она хочетъ говорить о пустякахъ:

— Ты дитя съ виду, но типичная женщина.

Этой снисходительностью онъ какъ бы ставилъ незначительную преграду для ея исповѣди, но она уже не могла остановиться:

— Ты ничего не знаешь. Есть тайна, важная тайна, которую ты долженъ сейчасъ узнать.

Но въ ея дѣтскихъ, чистыхъ губахъ, въ ея нетвердомъ голосѣ эти слова теряли свои глубины и не вызвали въ немъ ничего, кромѣ все той же снисходительной шутливости.

— Тайна? Конечно, у каждой женщины въ такихъ случаяхъ непременно должна быть тайна. Ты мнѣ скажешь послѣ.

Онъ сѣлъ на диванъ и потянулъ ее сѣсть рядомъ съ собой.

Но холодные пальцы ея продолжали вздрагивать, и онъ чувствовалъ легкія движенія высвободить ихъ:

— А сейчасъ не отстраняй меня.

— Подожди. Подожди, — умоляла она, чувствуя, что слабѣетъ, и что его кровь по рукамъ какъ будто переливается въ нее.

— Дай мнѣ поцѣловать твои губы, — говорилъ онъ горячимъ шопотомъ, уже не слыша ея словъ и не понимая ея упорной застѣнчивости.

Она собрала все свои силы, сѣла рядомъ и твердо сказала:

— Выслушай меня.

Онъ почти силой притянулъ ее къ себѣ:

— Я буду слушать тебя губами.

Онъ въ первый разъ поцѣловалъ ее.

И этотъ поцѣлуй разлился въ ней длительнымъ, томящимъ звономъ. Ей показалось, что она теряетъ сознаніе, и что этотъ звонъ отзывается не только въ ней, но и гдѣ-то вдали, и растетъ и множится тамъ.

Только когда онъ быстро оторвался отъ ея губъ, она поняла, что тамъ другое: звонилъ телефонъ.

— Какъ это нелѣпо! — съ досадой вырвалось у него.

И она увидѣла неприятно покраснѣвшее лицо, съ раздраженнымъ выраженіемъ:

— Телефонъ. Это, вѣроятно, дурачество Валерія. Подожди, я сейчасъ.

Онъ быстрой походкой пошелъ въ кабинетъ, гдѣ былъ телефонъ.

Она не подумала такъ. Этотъ звонъ упалъ на нее ледяными брызгами. Она еще ничего не подозрѣвала, но что-то силой раскрыло сердце, и въ немъ застыла ужасающая пустота ожиданія.

Глухо донесся его голосъ изъ прикрытой двери. Она разобрала бы каждый звукъ, будь онъ за десятью закрытыми дверями.

— У телефона. Да. Откуда? Гостиница Бристоль?

Этого было достаточно. Она хотѣла рвануться на это слово, но не могла сдѣлать ни одного движенія. Какъ во снѣ во время кошмара.

Слова продолжали долетать сюда: они были похожи на черныхъ мухъ, которыя, жужжа, садятся на лицо, на глаза, прилипаютъ и впиваются.

— Ну? Да. Квартира Быстрицкаго. Кого? Есть.

Она сдѣлала сверхъестественное усиліе и очутилась около него.

Онъ, блѣдный, уронилъ трубку телефона и подхватилъ жену, иначе бы она упала.

Она теребила его съ ужасомъ въ глазахъ, мертвенными губами выговаривая одни и тѣ же слова:

— Что случилось?.. Что случилось? Что случилось?

Онъ самъ тяжело дышалъ и не могъ подавить свою дрожь. Но старался усадить ее на стулъ и успокоить:

— Не волнуйся. Не волнуйся. Сядь.

Она ужъ все знала. Но ей нужны были слова. Такъ ее стиснутое сердце грозило задохнуться:

— Я должна знать. Я должна знать.

Она отчаяннымъ взглядами вырывала у него подтвержденіе.

И взглядъ его отвѣтилъ ей. Но это были не слова. Она требовала словъ. И руки ея царапали его платье:

— Несчастье? Несчастье?

— Успокойся, успокойся, — бессмысленно говорилъ онъ, и зубы начинали стучать отъ ужаса, который усиливался ея ужасомъ.

— Онъ умеръ?

— Да, застрѣлился.

Такъ иногда достаточно одного звука въ горахъ, чтобы большая, давно нависшая глыба рухнула и придавила жизнь, трепетавшую подъ нею. И никогда больше ей не вздохнуть свободно.

Она застонала.

Онъ увидѣлъ ее, комкомъ съежившуюся на стулѣ, и самъ еле подавилъ стонъ. Но это былъ не столько стонъ боли и жалости, сколько раздраженія: такъ вотъ онъ какой!

Это раздраженіе помогло ему облегчить бремя своей отвѣтственности.

Такъ вотъ онъ какъ отомстилъ за свою утрату!

Ему хотѣлось громко и зло говорить объ этомъ ей. Доказать, что это былъ рассчитанный ударъ, и въ самомъ этомъ расчетѣ уже для нихъ достаточно оправданія.

Но онъ зналъ, что она не повѣритъ этимъ клеветническимъ словамъ, и самъ чувствовалъ, что слова такія будутъ клеветническими, ибо есть предѣлъ человѣческой выносливости.

Она такъ подавлена этой глыбой горя, что было бы преступле-



**Р. Френцъ. Возвращеніе
съ медвѣжьей охоты.**

Выставка картинъ „Товарищества
художниковъ“ въ Петербургѣ 1910 г.



нием поддаться этому ужасу. Надо было во что бы то ни стало освободить ее, отодрать эти комья, которые завалили ее. Но не разсудокъ, а любовь къ ней заставляла хвататься за слова, которые могли принести ей хоть слабое утѣшеніе.

— Не предавайся отчаянію. Разъ онъ уже мертвъ, ему не нужно нашего раскаянія.

И опять накинь раздраженія замутила мысль, — хотѣлось сказать: какое можетъ быть раскаяніе? Онъ не сумѣлъ жить, какъ побѣдитель, для побѣжденнаго не можетъ быть лучшаго конца.

Но она внезапно поднялась и съ неподвижнымъ взглядомъ какъ-то толчками заспѣшила къ двери.

Онъ схватилъ ее за руку:

— Куда ты?

— Къ нему.

Онъ видѣлъ, что она виѣ себя, что у нея лицо безумной, и это помогло ему нѣсколько овладѣть собой.

Онъ заперъ дверь, подалъ ей воды. И она пила ее машинально, почти захлебываясь и не замѣчая, какъ вода льется по подбородку, и струйки сбѣгаютъ на шею.

Почти въ безмятежствѣ бормотала то, что запало изъ его послѣднихъ словъ:

— Глаза какіе... впалые.

Вдругъ, всплеснувъ руками, она забилась въ рыданія, мучительно вскрикивая:

— И я не догадалась! Не удержала! Пусти меня!

Онъ властно положилъ ей руки на плечи:

— Зачѣмъ растравлять себя! Живымъ не нужны мертвые. Не будь малодушной.

Она рыдала.

— Мы пойдемъ къ нему. Мы пойдемъ вмѣстѣ съ тобой и поклонимся ему. Но не предавайся отчаянію. Если онъ дорогъ тебѣ, перенеси свое чувство къ нему на сына. Пусть онъ получитъ, какъ безсмертіе, въ наслѣдство то, что принадлежало его отцу.

Она уже стояла съ открытымъ лицомъ; и слезы текли по щекамъ ея, и она смотрѣла на него непонимающими глазами:

— Сынь... Его отцу! Боже-мой, что говоришь ты?

Это вернуло ея сознание, и онъ настойчиво продолжалъ:

— Да, да, пусть онъ получитъ, его сынь, вашъ сынь, котораго ты такъ любишь.

Нѣтъ, она больше не можетъ. Она крикнетъ сейчасъ, остановить его.

И крикомъ это вырвалось у нея изъ груди:

— Этотъ ребенокъ... онъ чужой ему! Это не нашъ сынь! Я никогда не была его женой!

Быстрицкій схватилъ ее за руки, затѣмъ началъ гладить ея плечи, стараясь привести ее въ себя, думая, что она обезумѣла.

Она отстраняла его и продолжала:

— Это твой сынь. Твой и Аделаиды.

Она сказала все. И смерть его помогла ей въ этомъ.

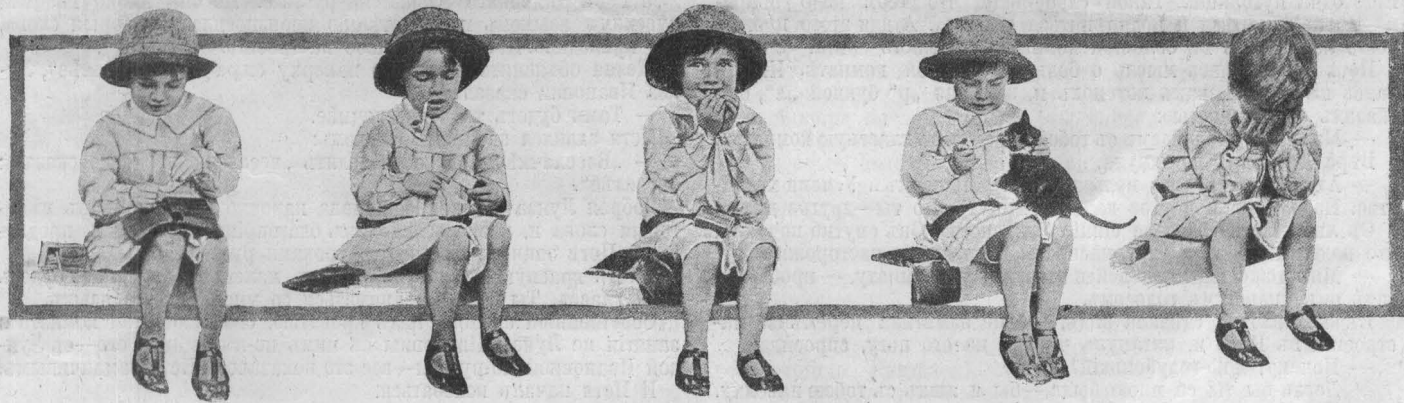
Источникъ слезъ ея замкнулся. Сухія рыданія подергивали ея плечи, припавшія къ спинкѣ стула. Если бы не эти судорожные подергиванія, можно было бы подумать, что она въ обморокѣ; голова ея съ растрепавшимися волосами тяжело свисала.

Тайна, которую она порывалась открыть ему, явилась въ сіяніи ослѣпительной правды, и въ ней тонулъ весь ужасъ того, что исторгло эту правду. Между ними погибла жизнь, но подвигъ ея несъ если не оправданіе, то прощеніе.

Онъ глядѣлъ на нее, весь пронизанный новымъ свѣтомъ, и не чувствовалъ, какъ слезы текли изъ его глазъ. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на источникъ великаго чуда, и думалъ, весь охваченный благоговѣніемъ, что она, дитя, совершила этотъ подвигъ. И если даже ради этого ребенка только, ради спасенія маленькой жизни пошла на это, если это была жертва ея, она не пропала. Ее влекло къ нему Провидѣніе. Предъ ней, женщиной-дѣвушкой, онъ преклонялся — не побѣдитель — побѣжденный. Она привела его къ новой жизни, и онъ благословлялъ ее, жену свою, цѣломудренную мать его ребенка.

Онъ подошелъ къ ней, сталъ передъ ней на колѣни, и цѣловалъ ея руки, и плакалъ, и не стыдился своихъ слезъ.

К О Н Е Ц Ъ .



Л е т я .

Разсказъ П. Сергѣенко.

Слабый утренній свѣтъ еле проникаетъ въ занавѣшенную темными шторами комнату, выходящую на террасу съ цвѣтными стеклами. Въ деревенской столовой съ большимъ старомоднымъ диваномъ стѣнные часы пробили хриплымъ боемъ семь разъ.

При послѣднемъ ударѣ тщедушный мальчикъ полураскрываетъ слышнѣея рѣсницы и настораживается.

Ему кажется, что онъ лежитъ одинъ въ темной комнатѣ. Отъ этой мысли Петя холодѣетъ, и его худая грудка покрывается крупинками холоднаго пота. Петя пытается разсмотрѣть подробности въ комнатѣ и боязливо, какъ затерявшійся цыпленокъ, пищитъ:

— Ма-му-ся!..

Вѣра Павловна подъ утро засыпала особенно крѣпко. Случалось даже, что она не слышала, какъ горничная Катя съ обычнымъ ей усердіемъ приводила въ порядокъ столовую. Но милый цыплячій голосъ Пети пробуждалъ всегда Вѣру Павловну. И, полу-проснувшись, она пробормотала съ нѣжностью:

— Что, мой птенчикъ?

— Ты тутъ?..

— Тутъ, Пѣтушокъ! Спи, дѣтка!

И, грузно перевернувшись на другой бокъ, Вѣра Павловна сладко засопѣла.

Но Петя не могъ заснуть. Онъ откинулъ одѣяльце и сползъ съ постели. Съ тоненькими ножками, въ короткой рубашкѣ, Петя

былъ похожъ на худого цыпленка. Чтобы не ступить на холодный полъ и тѣмъ не огорчить маму, онъ балансируетъ и широко шагаетъ на коврикъ около кровати, юрко заползаетъ подъ одѣяло и припадаетъ къ матери.

— Мамуся! Милая! Длугъ мой!

Вѣра Павловна полу-безсознательно прижимаетъ къ себѣ Петю и, не отрываясь отъ сна, бормочетъ:

— Спи, Петечка! Спи... Еще рано.

Но Петѣ не до сна. Ему надо отдаться неодолимой потребности и понѣжиться около матери.

Онъ обожалъ ее и узнавалъ о ея присутствіи по запаху, по шелесту платья, по звукамъ шаговъ, а иногда какимъ-то таинственнымъ путемъ чуялъ ее даже на разстояніи.

— Мамуся идетъ! — подпрыгивая, взвизгивалъ Петя.

И черезъ нѣкоторое время дѣйствительно появлялась Вѣра Павловна. Петя стремительно бросался къ ней, обвивалъ ея расплывшую шею тоненькими руками и припадалъ губами къ правому глазу матери. Это была его любимая ласка.

И теперь, сладко ежась отъ охватившей его при переходѣ черезъ комнату утренней свѣжести, Петя припалъ нѣжно къ матери:

— Мамуся! Моя дуська!..

Вѣра Павловна сладко всхрапываетъ и бормочетъ въ полуснѣ:

— Милый мой! Спи, дѣтка!..

Проснулся в этот день Петя от милого материнского голоса в соседней комнате и сладко потянулся от предвкушения предстоящих удовольствий. Прежде всего милая мамуся наклонится к постельке и приласкает его, затѣм поднесетъ къ умывальнику, умоетъ, опять поцѣдуетъ, а потомъ еще и еще. Потомъ все въ домѣ начнутъ его цѣловать и ласкать.

Петя смутно догадывался, что представляетъ собою исключительное явление въ домѣ, и что все, начиная отъ блѣднаго и грустнаго отца до толстой кухарки Паши, относятся къ нему съ особенной нѣжностью.

Петѣ шелъ 6-й годъ. Но вслѣдствіе перенесенной болѣзни онъ казался меньше своего возраста.

Перебирая въ умѣ радости предстоящаго дня, Петя вдругъ затуманился. Онъ вспомнилъ о прїѣздѣ къ нимъ новой бонны съ краснымъ лицомъ и громкимъ голосомъ. Петя относился къ боннамъ отрицательно. Ему не нравились, что онѣ постоянно вмѣшиваются въ дѣтскія дѣла и поминутно пристають съ замѣчаниями: „такъ не ходи“, „такъ не сиди“ и т. п. Кроме того, еще всегда требуютъ, чтобы дѣти говорили по-нѣмецки, тогда какъ по-русски и легче говорить и всегда выходитъ понятнѣе. Но, вспомнивъ, что его сестры радовались прїѣзду бонны, и что она что-то общала имъ интересное, Петя успокоился. Въ это время къ постели подошла Вѣра Павловна, приласкала Петю и предложила ему вставать.

Петя заколебался. Надо будетъ выполоскать ротъ теплой водою, что не всегда удается хорошо сдѣлать, затѣмъ надо будетъ вымыть лицо и ноги, одѣться, причесаться, помолиться Богу и пр. Все это не представляетъ особеннаго интереса. Но Петя очень дорожитъ этими минутами, потому что имѣетъ возможность постоянно прикасаться къ милымъ рукамъ, щекамъ и ушамъ матери, шутливо пугать ее щеткой и наслаждаться прелестными бесѣдами, которыя всегда происходятъ у нихъ въ это время.

На этотъ разъ однако Петя улавливаетъ въ голосѣ матери какую-то грустную нотку и тревожно заглядываетъ ей въ глаза.

Вѣра Павловна умываетъ Петю и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, начинаетъ одѣвать. Застегнувъ полосатый бумазейный лифчикъ, Вѣра Павловна сказала:

— Пѣтушокъ, ты исполнишь одно мое желаніе?

Петя съ вопросительнымъ лицомъ быстро повернулся къ матери:

— Если ты хочешь...

— Видишь-ли, мой дружокъ, въ чемъ дѣло, — начала Вѣра Павловна серьезнымъ товарищескимъ тономъ, продолжая ловко прилаживать къ лифчику остальные принадлежности костюма. — Ты такой худенькій, такой слабенькій... Постоить же, Петечка!.. Еще одна пуговица... Такой слабенькій, что тебѣ надо непременно поправиться и подкрѣпиться силами... А для этого прежде всего надо спать въ большой комнатѣ, гдѣ много свѣта.

Петѣ понравилась мысль о большой свѣтлой комнатѣ. И, ласкаясь къ матери, какъ котенокъ и, замѣняя „р“ буквой „л“, онъ сказалъ съ нѣжностью:

— Мамусикъ, поведемъ съ тобой навелкъ въ классную комнату...

Вѣра Павловна вздохнула.

— Ахъ, Петечка, мнѣ нельзя перейти навверхъ... У меня хозяйство. Надо и то и другое каждую минуту. Но ты—другое дѣло...

Съ лица Пети сбѣжало сіяніе блаженства. Онъ смутно почувалъ, что надвигается какая-то опасность, и тревожно насторожился.

— Мнѣ тоже нельзя полейти въ классную комнату, — пробормоталъ онъ упавшимъ голосомъ.

Вѣра Павловна сдѣлала видъ, что не замѣтила перемѣны настроенія въ Петѣ и, натянувъ чулокъ на его ногу, спросила:

— Почему, мой голубенькій?

— Если-бы ты со мною была,—бы я жилъ съ тобою навелку.

— Но мнѣ нельзя же, Петечка!.. Ты же самъ знаешь, мой птенчикъ, что мнѣ нельзя... Кто жъ безъ меня здѣсь все сдѣлаетъ?..

— А какъ же ты будешь безъ меня?.. Тебѣ же будетъ скучно.

— Что же дѣлать, Петечка? Я какъ-нибудь привыкну... А навверху какъ хорошо! Просторно, свѣтло. У тебя будетъ свой уголокъ...

Большіе свѣтло-синіе глаза Пети заблестѣли влагою, а цыплячій, тоненькій голосокъ вдругъ задрожалъ, какъ разбитое стекло:

— Мнѣ не надо постолно. Мнѣ не надо уголка. Мнѣ надо мою милую мамочку... Ты меня лодила, ты меня всколмила... Я тебя никогда не покину.

Обыкновенно, какъ только Петя начиналъ тянуть этотъ мотивъ: „Ты моя мать, ты меня родила“ и т. д., то это всегда обезоруживало Вѣру Павловну, и она уступала во всемъ своему любимцу. Но тутъ дѣло шло о вопросѣ, порѣшенномъ на семейномъ совѣтѣ: Петя долженъ наконецъ быть отдѣленъ отъ Вѣры Павловны и перейти изъ ея комнаты, гдѣ онъ свилъ себѣ гнѣздо со дня рожденія, какъ слабосильный ребенокъ, котораго нельзя было поручить никому. Но въ настоящее время обстоятельства измѣнились. И, скрѣпя сердце, Вѣра Павловна начала расхваливать различныя удобства жизни навверху и упрашивать Петю исполнить ея просьбу.

Но Петя твердо стоялъ на своемъ:

— Ты я пелешель, если бы ты была со мною...

— Значитъ, ты меня не любишь, если не хочешь исполнить моей просьбы...

Петя порывисто припалъ къ матери:

— Я тебя люблю, мамусикъ!.. Но... мнѣ безъ тебя скучно...

— Но здѣсь тѣсно, Петечка, и вредно для твоего здоровья...

— И для твоего здолвья тѣсно...

— Я старая, я уже привыкла...

— И я пивыкну, мамусикъ!.. Я не могу безъ тебя... Ты меня лодила... Ты меня всколмила. Ты моя плелестъ!..

И, обвивъ еще пахнувшими мыломъ руками шею матери, Петя припалъ губами къ ея правому глазу.

Вѣра Павловна изнемогла передъ трудной задачей.

— Ну, хорошо, Петечка!—сказала она, съ трудомъ пересиливая волненіе:—сдѣлаемъ такъ: ты перейдешь сегодня навверхъ въ красную комнату...

Петя закрылъ ея ротъ своими руками:

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!..

— Постоить же, Пѣтушокъ!—сказала Вѣра Павловна, отстраняя отъ рта Петины руки и придерживая ихъ въ своей рукѣ.—Надо же выслушать, что тебѣ говорить твой другъ. Сегодня перенесутъ въ красную комнату только твою кровать... А ты все время будешь со мною... И вечеромъ я буду сама укладывать тебя въ постельку, а утромъ брать къ себѣ...

— Если бы и твою кровать пеленесли...

— Но я уже сказала же тебѣ, что мнѣ никакъ, понимаешь, никакъ нельзя перейти навверхъ... Сиди ровно, Петечка!

И Вѣра Павловна начала любовно расчесывать частымъ гребешкомъ льняные волосы своего любимца.

Петя не находилъ болѣе возраженій. Но, взглянувъ на кнопку электрическаго звонка, опять запѣлъ жалобно и началъ растягивать слова:

— Тамъ не будетъ ни моеи ми-лой ма-му-си ни эли-ки-чес-каго звонка... Я могу заболѣ-ть, и ко мнѣ никто не плидеть...

— А знаешь что, Пѣтушокъ?—сказала весело Вѣра Павловна.—Мы устроимъ тебѣ твой собственный звонокъ.—У тебя надъ кроватью...

Это показалось Петѣ заманчивымъ. У него будетъ свой собственный электрическій звонокъ около кровати... Объ этомъ стоитъ подумать...

Въ комнату вошла бонна, Луиза Ивановна,—вся розовая, сіяющая, въ чистомъ свѣтло-синемъ передникѣ съ карманами, и показала Петѣ очень приятной особой. Правда, она сейчасъ же заговорила по-нѣмецки, воображая, что все понимаютъ, что она *ферлякаетъ*. Но тутъ же сдѣлала одно предложеніе, значительно поколебавшее Петю относительно переселенія навверхъ.

Узнавъ, о чемъ шла рѣчь, усердная Луиза Ивановна начала разными красками расписывать удобства жизни въ верхнихъ комнатахъ, перевода для большаго вразумленія нѣкоторыя выраженія съ нѣмецкаго языка на русскій. Но она плохо владела русскимъ языкомъ и препотѣшно произносила нѣкоторыя слова, что приводило Петю въ игривое настроеніе.

Желая объяснить Петѣ, что навверху ему будетъ „веселѣ“, Луиза Ивановна сказала:

— Тамъ будетъ тебѣ веселячкѣ.

Петя залился звонкимъ смѣхомъ:

— „Веселячкѣ“! Лазвѣ голятъ „веселячкѣ“? Надо сказать: „веселѣ“.

Добрая Луиза Ивановна начала нарочно переименовывать нѣкоторыя слова и, воспользовавшись благоприятной минутой, предложила Петѣ заниматься съ нею уроками русскаго языка.

— Въ красную комнату принесутъ маленькій столикъ. Это будетъ твой классъ. Ты будешь заниматься со мной русскій языкъ.

Собственный звонокъ надъ кроватью, своя классная комната и занятія не Луизы Ивановны съ нимъ по-нѣмецки, а его—съ Луизой Ивановной по-русски—все это показалось Петѣ заманчивымъ.

И Петя началъ колебаться.

Но когда послѣ кофе начали разбирать его кровать, чтобы перенести навверхъ, Петя упалъ духомъ и сдѣлался грустнымъ, точно предчувствуя, что въ его жизни начинается новая полоса, и все прежнія дѣтскія радости должны отойти куда-то безвозвратно.

Но переселенческая суета скоро захватила Петю своими подхлестывающими подробностями. Надо было бѣгать навверхъ, переносить игрушки и различныя вещи, передвигать мебель, забивать гвозди въ стѣну, и пр. И Петя суетился, бѣгалъ, подпрыгивая, по комнатамъ, распоряжался, устраивалъ „классную“, переносилъ игрушки. Особенно увлекло его устройство электрическаго звонка.

Сначала хотѣли прибить кнопку отъ настоящаго электрическаго звонка, но лишней кнопки не оказалось. Вѣра Павловна задумалась. Но Петя быстро нашелъ выходъ: онъ самъ себѣ устроилъ звонокъ.

— Дайте мнѣ гвоздикъ! Дайте мнѣ гвоздикъ и молотокъ!—кричалъ онъ съ азартомъ.

Ему дали небольшой гвоздикъ съ широкой шляпкой и молотокъ. Волнуясь и потѣя отъ напряженій, онъ влѣзъ на кровать и съ торжественнымъ видомъ вколотилъ гвоздикъ въ стѣну, какъ разъ у изголовья кровати. Это былъ его звонокъ.

Для наглядности онъ надавилъ пальчикомъ головку гвоздя и провзвительно завизжалъ:

— Дзинь!..

Затѣмъ собралъ вокругъ себя зрителей, разлегся на кровати и съ дѣловымъ видомъ началъ объяснять:

— Если я позвоню два лаза: *дзинь... дзинь...* (Петя надавилъ

гвоздь два раза), то должна приходить Луиза Иванна, лесли одинъ разъ—*дзинь*... должна приходить Наташа. Луиза Иванна!.. *дзинь*... *дзинь*...

— Was wollen Sie, mein lieber Herr?—спросила Луиза Иванновна, высовываясь впередъ съ правой рукой у виска и сохраняя почтительный видъ.

Петя поправилось такое серьезное отношеніе къ дѣлу, и онъ сказалъ:

— Теперь не надо... Потомъ...

— Gut, gut... Карашо,—сказала Луиза Иванновна.

— Не говолять „калашо“, надо говолять „халашо“. Ну, я съ вами потомъ...—началъ Петя наставительнымъ тономъ, но оборвалъ фразу, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ. Старшая сестра, Наташа, поставила около его кровати табуретъ, покрытый скатерткой и съ лежащими сверху: маленькимъ зеркальцемъ, записной книжечкой съ карандашомъ и резинкой и зубочистку.

— Это твой ночной столикъ, Петечка, и всё эти твои вещи.

У Пети разбѣжались глаза.

Онъ никакъ не могъ наглядѣться на всё эти сокровища; взялъ записную книжечку, вынулъ карандашъ, лизнулъ его языкомъ и съ сосредоточеннымъ видомъ какъ бы написалъ что-то.

— Ахъ, не то...

Онъ отложилъ карандашъ, взялъ резинку, энергично стеръ написанное и опять что-то написалъ.

— Это будетъ мой дневникъ,—объявилъ онъ.

Но наибольшій эффектъ произвела зубочистка.

Ни у кого изъ дѣтей зубочистки не было, у него будетъ своя собственная зубочистка. И, перекинувъ ногу черезъ ногу и раскрывъ ротъ, Петя началъ „примѣрять“ зубочистку: тыкалъ ее въ свои жемчужные зубки. Словомъ, новое помѣщеніе представляло не мало соблазновъ, и Петя сіялъ отъ удовольствія.

Но послѣ обѣда въ немъ заговорила старая любовь. Онъ вѣфнился въ Вѣру Павловну и не хотѣлъ отходить отъ нея. Но въ-время появилась Луиза Иванновна и дѣловымъ, не терпящимъ отлагательствъ, тономъ заявила:

— Ну, Пьетя! Идемъ давать мнѣ урокъ русскій языкъ.

Петя принялъ серьезный видъ и безъ возраженій пошелъ наверхъ. Дѣло должно быть прежде всего.

Начался „урокъ“ сначала за столомъ, потомъ Петя для удобства забрался на колѣни къ Луизѣ Ивановнѣ, раскрылъ „азбуку съ картинками“ и, тыкая пальцемъ на рисунокъ, изображающій руку, строго спросилъ:

— Это что такое?

— Die Hand...

Петя досадиво хмурится и повышаетъ тонъ.

— Съ вами занимаются по-русски, слышите: по-русски, а не по-нѣмецке...

— Рука,—поправляется Луиза Иванновна.

— Не „рука“, а рука...

— Рука... Карашо...

— Опять: „калашо“?

— Не буду болшъ.

— А это что такое?—спрашиваетъ Петя, указывая на нарисованные часы.

— Полвина двѣнадцать...

Петя заливается смѣхомъ.

— Какая непонятная ученица. Не „полвина двѣнадцать“, а „часы“. Говорите: „часы“.

Луиза Иванновна принимаетъ капризный видъ и заявляетъ, что не желаетъ больше заниматься.

Петя быстро сползаетъ съ колѣнъ:

— Не хочешь больше учиться? Ахъ, ты такая лѣнивая! Вотъ же тебѣ. Становись въ уголъ.

Луиза Иванновна дѣлаетъ видъ, что плачетъ. Но Петя и въ шутку не можетъ видѣть ничьихъ страданій. Онъ обнимаетъ Луизу Иванновну, цѣлуетъ ее и гладитъ по щекѣ:

— Ну, не плачь... не плачь же. Лесли будешь халашая, я... женюсь на тебѣ...

— Я старухъ, а ты еще Кнабе...

— Я потомъ женюсь, когда выласту... Ну, не плачь. Я тебѣ поставлю, что ты халашо училась,—говоритъ одобрительно Петя и раскрываетъ записную книжечку.

— А сколько ты мнѣ поставишь?

— Сегодня 5,—говоритъ Петя, вывода сосредоточенно въ книжечкѣ какой-то крючокъ, но затѣмъ спохватывается:—нѣтъ, нѣтъ. Сегодня ты дѣлала ошибки... Сегодня тебѣ довольно 5 съ клестомъ...

Луиза Иванновна дѣлаетъ обиженный видъ:

— Ай, какъ это можно?

— Ну, халашо... Я поставлю тебѣ еще ять.

— Все-таки мале.

— Ну, еще... твелдый знакъ...

Луиза Иванновна выражаетъ удовольствіе и беретъ учителя на руки.

Такъ проходитъ наверху цѣлый день въ мирѣ и согласіи.

Вѣра Павловна все время старалась не показываться на глаза своему любимцу, чтобы не растревать ранъ его сердца, а добрая Луиза Иванновна и всё дѣти всячески облегчали Петѣ его первый и, можетъ-быть, самый трудный переходъ въ жизни.

И Петя съ дѣтской забывчивостью отдавался новымъ за-бѣямъ. Но когда пришелъ вечеръ, и надо было приступить къ самой неприятной операціи—къ вечернему умыванію—Петя отвергъ отъ себя всё соблазны и рѣшительно заявилъ, что не можетъ болѣе жить безъ милой мамы.

— Мама обѣщала сама укладывать меня. Мнѣ безъ нея скучно. Она мой другъ,—жалобно тянулъ Петя и не соглашался ни на какія предложенія. Лицо его разгорѣлось, глаза сдѣлались влажными.

Узнавъ объ этомъ, Вѣра Павловна, сама томившаяся по Петѣ, помчалась съ быстротой молодой дѣвушки наверхъ.

Петя кинулся къ матери и припалъ къ ней.

— Мамуся, моя дуся! Я тебя люблю, какъ... какъ...

— Какъ?..

— Какъ все небо и еще больше.

И Петя чутко предупреждать всякое желаніе Вѣры Павловны: покорно подставляя ей свою голову, лицо, руки и ноги. И, когда умытый и расчесанный, онъ легъ въ свою бѣлую постельку, то напоминалъ собою бѣлокурого ангела, какихъ рисуютъ на рождественскихъ открыткахъ.

Вѣра Павловна не могла налюбоваться своимъ любимцемъ и насытиться его ласками.

Въ концѣ концовъ было выработано такое соглашеніе: когда Петя ляжетъ въ постель, то немедленно должны прекратиться всякія бесѣды. Но Вѣра Павловна все время будетъ находиться около Пети, пока онъ уснетъ.

Петя поцѣловалъ Вѣру Павловну, сложилъ руки поверхъ одеяла и закрылъ глаза.

Наступила пауза. Въ сосѣдней комнатѣ тикали часы. Снизу глухо доносились чьи-то шаги, звуки рояли и стукъ швейной машины.

Петя полураскрываетъ одинъ глазъ.

— Мамуся, это Наташа игласть?—шепчетъ онъ таинственно.

— Да, Петечка!.. Но, спи мой голубчикъ,—говоритъ Вѣра Павловна, сплетая ласковость съ укоромъ по случаю нарушенія Петей принятаго соглашенія.

Петя чутко улавливаетъ нотку укора въ голосѣ матери и шепчетъ ласково:

— Я сплю, мамуся!

Но черезъ нѣкоторое время его опять тянетъ неодолимая сила. И онъ придумываетъ новый предлогъ.

— Мамуся, подшекай меня,—просительно говоритъ онъ, передѣлывая „unterstecken“ въ русскій глаголь.

Вѣра Павловна подсовываетъ края одеяла подъ матрацъ и, не въ силахъ устоять передъ искушеніемъ, наклоняется къ Петѣ и цѣлуетъ его.

Онъ, какъ клець, вѣпляется въ нее:

— Мамусикъ, мой дусякы!..

Снизу доносится голосъ горничной Кати, что самоваръ поданъ. Вѣра Павловна проситъ Петю отпустить ее.

— А когда ты чай попьешь, ты плидешь опять?

Вѣра Павловна обѣщаетъ... Петя нѣжно цѣлуетъ мать и отпускаетъ ее съ надеждой скорого свиданія.

Но черезъ минуту въ комнатѣ уже слышится его ровное сонное дыханіе...

Въ новомъ мѣстѣ Петя однако проснулся раньше обыкновеннаго и по привычкѣ запищалъ, какъ цыпленокъ:

— Мамуся!

Но отвѣта не послѣдовало. Петя тихонько раскрылъ глаза и удивился. Гдѣ онъ? Въ большой комнатѣ безъ занавѣсокъ было почти свѣтло. Невдалекѣ отъ него, на кровати, кто-то спалъ. Но это она не его милый мамусикъ. Это не ея дыханіе... Петя началъ припоминать вчерашнее и все вспомнилъ.

Мысль, что около него нѣтъ его милой матери, взволновала Петю и привела его въ горестное состояніе. Ему до слезъ стало жалъ себя. Глаза его наполнились слезами. Онъ не хочетъ быть здѣсь. Онъ хочетъ быть около своей матери.

Петя приподнялся, увидѣлъ на стѣнѣ свой „звонокъ“ и, волнуясь, надавилъ гвоздикъ.

— Луиза Иванна! Дзинь... дзинь...

Вмѣсто ласковаго отвѣта послышалось громкое сонное дыханіе.

— Луиза Иванна!.. Дзинь, дзинь,—пропищалъ Петя еще жалобнѣе.

Луиза Иванновна не откликнулась. Петю охватили страхъ и жгучее чувство тоски по матери. Онъ откинулъ съ себя одеяльце и рѣшился на невѣроятный подвигъ. Онъ пойдетъ внизъ, къ своей мамусѣ. Это страшно. Особенно страшно лѣстница, гдѣ всегда темно. Но что жъ дѣлать? Онъ не можетъ больше быть безъ своей матери.

Петя сползъ съ кровати и, дрожа всѣмъ тѣлцемъ, направился на цыпочкахъ внизъ.

Въ длинной ночной рубашкѣ, съ блѣднымъ лицомъ и широко-раскрытыми глазами, Петя имѣлъ видъ маленькаго привидѣнія.

Не смотря на его легкіе шаги, лѣстница иногда издавала скрипъ, и это бросало Петю въ жаръ и холодъ. Ему еще никогда не было такъ страшно. Внизу, на лѣстницѣ, было совсѣмъ темно. Петю обьялъ ужасъ. Но тоска по матери все превозмогла. Цѣпляясь дрожащими руками за перила, Петя преодолѣлъ лѣстницу, стремительно промчался черезъ столовую, съ усиленіемъ открылъ массивную дверь изъ столовой въ комнату Вѣры Павловны и, задыхавшись отъ волненія, припалъ къ ея кровати...

— Мамочка!.. Мамуся!..

Вѣра Павловна проснулась, сразу пришла въ себя и сразу все поняла.

Она прижала къ себѣ Петю и, захваченная его волненіемъ, нѣкоторое время не могла говорить отъ слезъ...

— Петечка!.. Голубчик! Радость моя!..

— Мамуся, моя дуся! Ты меня лодила, ты меня всколмила... Я не могу жить безъ тебя!..

И перемѣшивая слова съ поцѣлуйми, а слезы съ ласками, они долго увѣряли другъ друга, что никогда-никогда не разстанутся.



А. К. Шеллеръ-Михайловъ.

(Къ 10-лѣтію со дня кончины).

(Портр. на стр. 935).

21 ноября сего года исполнилось десять лѣтъ со дня кончины извѣстнаго романиста Александра Константиновича Шеллера-Михайлова. Десять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, въ тѣсной квартиркѣ въ глуши Петербургской стороны, въ тяжкихъ мученіяхъ скончался писатель, произведеніями котораго зачитывалась вся Россія, потому что въ нихъ была отражена вся тогдашняя Россія отъ крестьянина до интеллигента. Романы Шеллера составляли неизбѣжную принадлежность каждой русской библиотеки, имя его, какъ автора „Гнилыхъ болотъ“, „Жизни Шупова“, „Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ“, было извѣстно и дорого каждому читающему русскому человѣку.

Тѣ десять лѣтъ, которыя прошли со дня кончины Шеллера, представляютъ цѣлую эпоху. Это были годы общественныхъ потрясеній и переоцѣнки многихъ цѣнностей. За эти десять лѣтъ народились новыя литературныя теченія, появились новыя имена, и литературный обликъ талантливаго и умнаго романиста А. К. Шеллера отошелъ на задній планъ и незаслуженно забылся. Но вотъ совершается то, что можно было предсказать: новыя имена тускнѣютъ и уходятъ въ сторону, изъсальный блескъ многихъ и многихъ знаменитостей меркнетъ, и изъ-за нихъ выплываетъ, осіянное новымъ блескомъ, хорошее, умное и содержательное старое. Въ эпоху литературнаго безвременья, когда художественное творчество современниковъ не идетъ дальше „разсказовъ“, „разсказовъ“ и „разсказовъ“, русскій читающій человѣкъ начинаетъ тосковать по большому, солидному, крупному. Ему нехватаетъ хорошаго романа. И онъ съ благодарностью снова вспоминаетъ о Шеллерѣ и обращается къ его произведеніямъ.

А. К. Шеллеръ былъ романистъ по призванію, романистъ Божьей милостью. Онъ предпочиталъ именно эту форму литературно-художественнаго творчества, потому что его обобщающій умъ и склонность къ дидактикѣ, т.-е. идейной тенденціозности, а также и его богатѣйшая наблюдательность и знаніе жизни заставляли его избѣгать всего мелкаго, незаконченнаго, разбро-саннаго и влекли къ крупнымъ цѣлостнымъ картинамъ. Необычайно трудолюбивый и упорный въ достиженіи цѣли писатель, онъ не боялся широкихъ рамокъ и огромнаго количества печатныхъ листовъ и не торопясь и провѣряя и обдумывая каждую мелочь, онъ создавалъ цѣлыя эпопеи, глубоко содержательныя и поучительныя и отражающія всю жизнь современнаго ему общества.

Какъ писатель, Шеллеръ воспитался на произведеніяхъ классическихъ западныхъ романистовъ и въ особенности на романахъ Диккенса и Теккерея. Онъ перенесъ характерныя черты этихъ романистовъ и на свое творчество: интересная фабула, обиліе дѣйствующихъ лицъ, тщательная обрисовка бытовыхъ подробностей—все это составляетъ типичныя черты шеллеровскихъ романовъ, такъ же, какъ и романовъ упомянутыхъ западныхъ классиковъ. Подобно имъ, Шеллеръ давалъ такія произведенія, которыя читались подолгу, продумывались и переживались читателями. Книга, которую Шеллеръ давалъ своему читателю, была всегда чѣмъ-то цѣлымъ, единымъ, всенеполняющимъ. Вниманіе читателя не разбрасывалось на отдѣльныя исторіи: онъ переживалъ только одну эпопею, всегда глубоко-поучительную и содержательную.

Шеллера считаютъ однимъ изъ писателей натуралистической школы, основанной Гоголемъ. Но, будучи натуралистомъ въ изображеніи быта, въ обрисовкѣ всевозможныхъ мелочей обстановки, Шеллеръ имѣетъ всѣ права на званіе романтика чистой воды: онъ былъ однимъ изъ крайне рѣдкихъ русскихъ писателей-художниковъ, которые любили и умѣли изображать положительные, свѣтлые типы. При всей своей натуралистичности,

Шеллеръ былъ убѣжденнымъ и яркимъ идеалистомъ—въ томъ смыслѣ этого слова, что ставилъ предъ читателемъ, какъ образецъ житія, идеальные типы.

Онъ самъ дѣятельно стремился всю свою жизнь къ осуществленію личнаго идеала, и его собственная личность, какъ человѣка, носила яркія идеальныя черты.

Это былъ человѣкъ, любившій ближняго. И притомъ любившій дѣятельно, т.-е. помогавшій всякому, кто просилъ о помощи, и отзывавшійся на всякое горе и страданіе участіемъ и помощью. Суровый на видъ, иногда рѣзкій въ обращеніи,—это былъ человѣкъ, кристально чистый духомъ и обладающій сердцемъ, пронизаннымъ лучами величайшей жалостливости и дѣтски-чистой и довѣрчивой любви. Къ Шеллеру шли и знакомые и незнакомые, и писатель, работавшій дни и ночи и зарабатывавшій достаточно для того, чтобы жить болѣе, чѣмъ состоятельно, постоянно нуждался въ самомъ необходимомъ, потому что раздавалъ все другимъ.

Трудолюбивъ онъ былъ необыкновенно. Только его трудолюбіемъ да несвойственной кореннымъ русскимъ писателямъ послѣдовательностью въ трудѣ и можно объяснить удивительную производительность Шеллера, написавшаго такое огромное количество огромныхъ романовъ и ухитрившагося, кромѣ того, нести нелегкія редакторскія обязанности (въ теченіе многихъ лѣтъ онъ редактировалъ журналъ „Живописное Обзорѣніе“ и газету „Сынъ Отечества“), писать публицистическія статьи и популяризировать въ рядѣ очерковъ новости европейской науки. Да еще къ тому же писать фельетоны, письма по общественнымъ вопросамъ въ газетѣ и множество стихотвореній оригинальныхъ и переводныхъ—изъ Петефи, Шерра, Шамиссо, Фрейлиграта и др.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ родился въ 1838 году въ Петербургѣ, въ очень бѣдной семьѣ. Литературный талантъ обнаружился у него еще въ дѣтствѣ, а 19 лѣтъ отъ роду онъ уже началъ зарабатывать средства къ жизни литературнымъ трудомъ, а именно сталъ постоянно сотрудничать въ журналѣ „Весельчакъ“, гдѣ писалъ фельетоны. Въ 1863 году появились въ журналѣ „Современникъ“ стихотворенія Шеллера, подписанныя именемъ его товарища А. Михайлова. И псевдонимъ этотъ А. К. Шеллеръ потомъ оставилъ за собой навсегда.

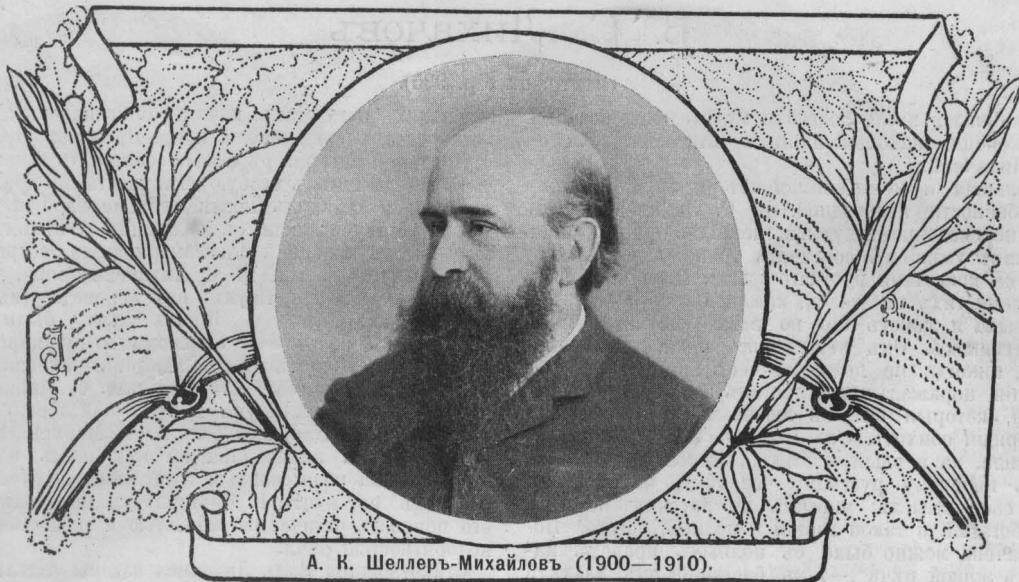
Въ 1864—65 гг. появились въ „Современникѣ“ два первыхъ романа Шеллера — „Гнилыя болота“ и „Жизнь Шупова“, сразу обратившіе на себя вниманіе публики и критики. Успѣхъ романиста съ этого времени былъ обезпеченъ, и Шеллеръ занялъ въ литературномъ мѣрѣ опредѣленное и очень выдающееся положеніе. И сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ русскихъ писателей истекшаго столѣтія.

Почти вся литературная дѣятельность Шеллера протекла въ Петербургѣ. Послѣдніе годы онъ состоялъ редакторомъ „Живописнаго Обзорѣнія“, которое онъ редактировалъ въ теченіе *двадцати трехъ* лѣтъ подъ рядъ. Умѣя прозрѣвать истинный талантъ въ начинающемъ писателѣ, Шеллеръ пригрѣвалъ въ своемъ журналѣ и выводилъ въ люди начинающую молодежь, и не одинъ изъ современныхъ писателей съ великой благодарностью помянетъ этого суроваго на видъ, хмуро смотрѣвшаго изъ-подъ своихъ огромныхъ нависшихъ бровей редактора, который любезно принималъ начинающаго робкаго молодого человѣка и относился къ нему, какъ къ равноправному товарищу-писателю, въ то время, какъ въ другихъ редакціяхъ на молодого человѣка не обращали никакого вниманія. Сколькимъ изъ нихъ покойный романтикъ оказалъ поддержку и совѣтомъ и работой и просто денежной помощью. Сколькихъ онъ просто хотя бы накормилъ въ своемъ гостепріимномъ домѣ. Къ Шеллеру приходили настоящіе голо-

дающие. И уходили сытыми и временно обезпеченными. Инердно случалось, что для того, чтобы помочь имъ, знаменитый романистъ и редакторъ большого журнала принужденъ былъ закладывать свои золотые часы и драгоценные подарки, полученные имъ по поводу юбилея...

Въ 1900 году прекратилось „Живописное Обозрѣніе“, и въ этомъ же году рѣзко ухудшилось здоровье писателя. Изъ привычной квартиры при редакціи, гдѣ онъ прожилъ двадцать три года, ему пришлось перебраться въ маленькую квартирку на Петербургской сторонѣ, и тамъ больной и усталый писатель скон-

скихъ симпатіяхъ, чѣмъ прежде. Всякій, кто любитъ здоровое и облагораживающее чтеніе, долженъ естественно обратиться къ этому писателю.



А. К. Шеллеръ-Михайловъ (1900—1910).

чался 21 ноября 1900 года.

Онъ оставилъ огромное литературное наслѣдство. Роль Шеллера и его заслуги въ исторіи русскаго романа громадны. Его аудитория была тоже громадна. И не только была. Въ современномъ обществѣ возрождается интересъ къ роману, и можно съ увѣренностью сказать, что такой интересный и глубокий писатель, какъ Шеллеръ, займетъ еще болѣе выдающееся мѣсто въ читатель-

„Свершилось“.

Изъ Фр. Заллета.

Посмертное стихотвореніе Вл. Лихачева.

Тѣнь смерти пала на Него.—«Свершилось!»—
Воскликнулъ Онъ и головой поникъ.
Хандя ни жизни той, что прекратилась,
Ни этихъ словъ послѣднихъ не постигъ.

«Свершилось»,—объясняетъ онъ свободно:—
«Хвала Отцу, мученій кругъ свершень!»

Такъ толковать вполне
тому пригодно,
Кто «юдолью плачевной»
поглощенъ.

Ты кожу на колѣняхъ
протираешь,
Радѣя о душокъ лишь
своей,
Но ничего ты этимъ не
«свершаешь»:—
Что Богъ изрекъ, то осквер-
нить не смѣй!

Кто міръ низвергъ и вновь
воздвигъ, Кто слова
Не вымолвилъ передъ на-
родомъ такъ,
Чтобъ свѣточъ поученія
живого
Не разогналъ временемъ гря-
дущихъ мракъ,

Кто знаменемъ небеснымъ,
въ назиданье
Изъ рода въ родъ потом-
камъ безъ конца,

Далъ противъ духа злого заклинанье
И путь открылъ къ «обителямъ Отца»,

Кто, какъ зерно чреватое, въ могилу
Завѣдомо-безвременно сошелъ,
Чтобъ родъ людской божественную силу
Въ Его крови страдальческой обрѣлъ,—

Одинъ лишь Тотъ восклик-
нуть могъ
«Свершилось!»—

Лишь тотъ, чья жизнь за
высшій даръ небесъ
Борьбой побѣдоносной
озарилась
Въ сіяніи пророчествъ и
чудесъ.

А ты, червякъ (такъ самъ же
любишь зваться!)

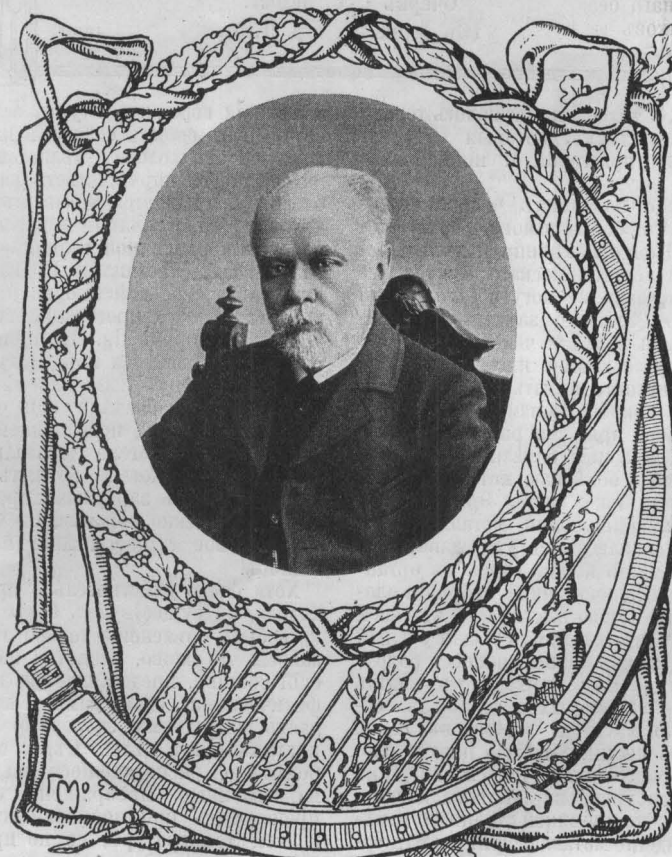
Трусливые лишь стоны
издаешь.

Дерзай же! Но за Духомъ
не угнаться—
И жалкая безслѣдно гиб-
нетъ ложь.

Блаженъ, кто сѣмена отъ
сердца сѣетъ,
Предвидя дату въ полной
красотѣ,—

Кто съ торжествомъ по-
бѣдоносно смѣетъ

«Свершилось» возгласить...
хоть на крестѣ!



В. С. Лихачевъ (1849—1910).

В. С. Лихачевъ.

(Портр. на стр. 935).

5 ноября с. г. скончался послѣ долгой и мучительной болѣзни извѣстный поэтъ, хорошо знакомый нашимъ читателямъ, Владимиръ Сергѣевичъ Лихачевъ.

Его кончина—большая и незамѣнимая потеря для нашей литературы, въ особенности переводной. В. С. Лихачевъ былъ исключительнымъ переводчикомъ художественныхъ произведений: онъ обладалъ рѣдкимъ умѣниемъ соединять точность и красоту перевода съ живыми красотами русскаго языка. Покойный былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ писателей, которые строго блюдутъ чистоту родного языка и знаютъ его во всѣхъ его богатыхъ и многообразныхъ отбѣнкахъ. Онъ невыносилъ никакого искаженія живой рѣчи и, никогда не позволяя себѣ придумывать новаго слова и реченія, поражалъ богатѣйшимъ запасомъ живыхъ народныхъ реченій, которыя онъ съ любовью собиралъ и пукалъ въ литературный обиходъ. Онъ *зналъ русскій языкъ въ совершенствѣ*—похвала, на первый взглядъ, нѣсколько странная примѣнительно къ кровному русскому человѣку, но тѣмъ не менѣе имѣющая свой смыслъ: многимъ ли русскимъ людямъ дано знать нашъ богатый и такой гибкій и полный языкъ? Покойнаго В. С. Лихачева можно было съ полнымъ правомъ называть „академикомъ живой рѣчи“,—такъ блестяще онъ владелъ ею. Въ особенности ярко сказывалось это на его безчисленныхъ стихотворныхъ экспромптахъ и шуточныхъ стихотвореніяхъ. Въ нихъ покойный поэтъ былъ виртуозомъ, не знавшимъ соперниковъ. Его блестящія, необыкновенныя, неожиданныя приемы поражали своимъ остроуміемъ. Подобно химику, извлекающему питательныя вещества изъ разныхъ отбросовъ, покойный ухитрялся извлекать созвучія изъ самыхъ невозможныхъ словосочетаній.

В. С. Лихачевъ родился въ 1849 году въ Полтавѣ. Начальное образованіе онъ получилъ дома, затѣмъ учился въ Полтавской гимназій и проходилъ университетскій курсъ въ Харьковскомъ и Петербургскомъ университетахъ. Литературой онъ сталъ заниматься еще съ гимназической скамьи, при чемъ особенное пристрастіе выказывалъ къ драматической литературѣ и увлекался театромъ. Первыми его произведеніями были мелодрамы изъ испанской и французской жизни, полныя всякихъ ужасовъ. Позднѣе (въ 1869 году) В. С. Лихачевъ выступилъ и въ печати, и первымъ его дебютомъ было стихотвореніе „Осрамила“. Потомъ онъ принималъ участіе почти во всѣхъ сколько-нибудь видныхъ

журналахъ и газетахъ, печатая оригинальныя и переводныя стихотворенія, очерки, статьи и пр. Превъзшедшая страсть къ театру и театальной литературѣ давала себя знать и потомъ, и В. С. Лихачевъ всегда питалъ особую склонность къ драматическому писательству и оставилъ послѣ себя не мало пьесъ, изъ которыхъ драма „Мамуся“ шла съ большимъ успѣхомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ.

Блестящіе переводы В. С. Лихачева нашли достойную оцѣнку у нашей Академіи Наукъ: его переводы (въ стихахъ) комедій Мольера „Тартюфъ“ и „Школа женъ“ были отмѣчены Академіей Наукъ почетнымъ отзывомъ и пушкинской преміей. Изъ другихъ болѣе крупныхъ переводовъ покойнаго можно назвать „Лисъ Патрикѣвичъ“—Гёте (изд. А. Ф. Маркса) и переводъ комедій Гауитмана „Шлукъ и Яу“, помѣщенный въ сочиненіяхъ этого автора, изданныхъ Т-мъ А. Ф. Марксъ. Послѣдняя комедія, почти сплошь написанная на нѣмецкомъ народномъ жаргонѣ, представляла колоссальныя трудности для русскаго переводчика, но тѣмъ не менѣе В. С. Лихачевъ поборолъ эти трудности, и его переводъ отличается живостью и гибкостью языка и яркой колоритностью рѣчи.

Стихотворенія В. С. Лихачева изданы отдѣльной книгой подъ общимъ заглавіемъ „За двадцать лѣтъ“. Его оригинальные стихи отличаются такимъ же блестящимъ и богатымъ языкомъ и такою же прекрасной техникой, какъ и всѣ остальные произведенія.

Покойный былъ въ свое время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ извѣстнаго кружка К. К. Случевского и издававшагося въ этомъ кружкѣ сатирическаго журнала „Словцо“. Большинство наиболѣе остроумныхъ экспромптовъ и эпиграммъ, печатавшихся въ этомъ интересномъ и живомъ журнальчикѣ, принадлежало В. С. Лихачеву.

Покойный много времени и труда отдавалъ государственной службѣ—и притомъ далеко не поэтической: въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ служилъ въ министерствѣ финансовъ по департаменту государственнаго казначейства. Но въ послѣдніе годы онъ оставилъ службу и съ той поры всецѣло посвятилъ себя литературѣ, сотрудничая въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ.

Въ его лицѣ литература потеряла талантливаго и своеобразнаго работника, а жизнь—прекраснаго, сердечнаго и отзывчиваго человѣка.



„Чума металловъ“.

Очеркъ Е. С. Ладова.
(Съ 4 рис. на стр. 973).

До настоящаго времени понятіе „болѣзни“ примѣнялось только къ тѣмъ явленіямъ въ живыхъ организмахъ, которыя сопровождалось нарушеніемъ нормальныхъ отправленій и нормальнаго строенія органовъ.

До сихъ поръ мы могли говорить о болѣзняхъ человѣка, животныхъ, растений, не предполагая, что болѣзни могутъ существовать и въ неорганическомъ мірѣ. Однако новѣйшія научныя изслѣдованія показали, что и среди неорганическаго міра существуютъ особаго рода явленія, которыя не могутъ быть иначе названы, какъ болѣзнями, и притомъ болѣзнями заразительной въ такой же мѣрѣ, какъ и инфекціонныя болѣзни человѣка.

Такимъ образомъ открывается чрезвычайно интересное поле для изученія совершенно новыхъ фактовъ, и, быть-можетъ, бактериологій, занимающейся изученіемъ микроорганизмовъ, вызывающихъ всевозможныя заразныя болѣзни, придется расширить свою область и включить въ нее также и заразныя болѣзни металловъ. Эти очень интересныя наблюденія надъ болѣзнями металловъ принадлежатъ профессору Урехтскаго университета, Эрнесту Когену. Въ сущности говоря, самое явленіе порчи металловъ отъ неизвѣстной, повидимому, причины наблюдалось уже давно. Въ особенности обратила на себя вниманіе порча олова въ органическихъ трубкахъ, но она приписывалась постоянной вибраціи оловянныхъ трубъ органа при звучаніи. Олово измѣнялось въ своей структурѣ, теряло свою прочность, разрыхлялось. Русскій ученый Фритче, въ Петербургѣ, наблюдалъ также такой процессъ разрушенія олова въ различныхъ стадіяхъ. Ему приходилось видѣть случаи, когда олово не только становилось рыхлымъ, но даже совершенно превращалось въ рыхлую массу и затѣмъ въ пыль. Такое необыкновенное превращеніе постигло цѣлую партію оловянныхъ солдатскихъ пуговицъ, хранившихся въ складѣ. Такъ какъ въ то время (1868 г.) въ Петербургѣ свирѣпствовали сильныя морозы, то Фритче предполагалъ, что причиной страннаго измѣненія олова являлось сильное охлажденіе металла. Фритче подтверждалъ вѣрность своей теоріи опытами съ искусственнымъ охлажденіемъ олова, которое получало сходныя съ наблюдавшимися

измѣненія своей структуры, а также свидѣтельствами торговцевъ, которые въ своихъ складахъ наблюдали, что олово дѣйствительно портится отъ холода—дѣлается рыхлымъ и разсыпается. Олово, подвергшееся порчѣ, имѣетъ характерный видъ: оно теряетъ свой блескъ, покрывается матовымъ слоемъ, на его поверхности появляются бородавчатая вздутія. Заболѣвшее олово разсыпается кусочками различной величины въ видѣ зеренъ или мелкими, какъ песокъ, частицами. По наблюденіямъ Фритче, холодъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ отдѣльныхъ точкахъ, изъ которыхъ перерожденіе распространяется во всѣ стороны, вызывая бородавчатая разраженія. Въ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается перерожденіе, распространяющееся изъ двухъ центровъ, можно замѣтить характерную границу. Долгое время однако изслѣдователи не могли найти причину болѣзни или отыскать способъ излѣченія этой странной болѣзни, появляющейся на оловѣ. Послѣднія изслѣдованія Эрнеста Когена доказали, что металлы могутъ дѣйствительно болѣть. Когенъ изучалъ преимущественно болѣзнь олова, установилъ ихъ заразный характеръ, а также намѣтилъ приемы, которыми можно бороться съ чумой олова. Такимъ образомъ получили свое существованіе патологія и терапия болѣзней металловъ!

Хотя олово дѣйствительно претерпѣваетъ особыя измѣненія отъ холода, но существуютъ болѣе сложныя явленія, которыя не могутъ быть объяснены только этой причиной. Прежде всего оказалось, что олово, несмотря на совершенно одинаковый химическій составъ, представляется въ двухъ видахъ съ различными физическими свойствами: бѣлое и сѣрое. Бѣлое олово обладаетъ свойствами здороваго металла и вполне пригодно для практическихъ цѣлей. Сѣрое олово имѣетъ участки, пораженные болѣзнями, распадающіяся на отдѣльныя зернышки, какъ бы изъязвленные. Превращеніе бѣлаго олова, здороваго, въ сѣрое происходитъ при нормальныхъ условіяхъ очень медленно при всякой температурѣ, но не превышающей 18° тепла. Болѣзненное перерожденіе олова совершается гораздо быстрѣе, если олово заразить, т.-е. перенести на него зернышки распада съ заболѣ-



Рис. 1. Лицевая и оборотная стороны медали XVII вѣка изъ олова, пораженнаго чумой.

вшаго олова. Здѣсь невольно напрашивается аналогія съ зараженіемъ здороваго организма прививкой частицъ, въ которыхъ содержатся бактеріи, производящія болѣзнь.

Аналогія получается тѣмъ болѣе удивительная, что процессъ, начавшись въ одномъ кускѣ олова, постепенно распространяется и на всѣ другіе, одинъ кусокъ заражается отъ другого, и возникаетъ маленькая эпидемія, если можно такъ выразиться, охватывающая цѣлые склады олова, цѣлые ряды органическихъ трубокъ въ старыхъ органахъ и т. д. Для того, чтобы вызвать болѣзнь, не требуется особенно жаркой температуры. При 5° удавалось заразить бѣлое олово и вызвать его болѣзненную перерожденіе, употребляя для зараженія зернышки распада, взятые съ больного куска. Рис. 2 даетъ представленіе о характерѣ болѣзненного измѣненія въ кускѣ олова спустя три недѣли послѣ зараженія. Олово сначала разбухаетъ, удѣльный вѣсъ его возрастаетъ съ 25 до 100, разрыхляется, покрывается бородавчатыми возвышеніями и въ концѣ концовъ распадается въ тончайшую пыль. Чума олова наноситъ чувствительный ударъ антикваріямъ и коллекціонерамъ, поражающая цѣнныя старинныя медали и разрушая ихъ. Зараза распространяется съ одной медали на другую, развиваясь и на

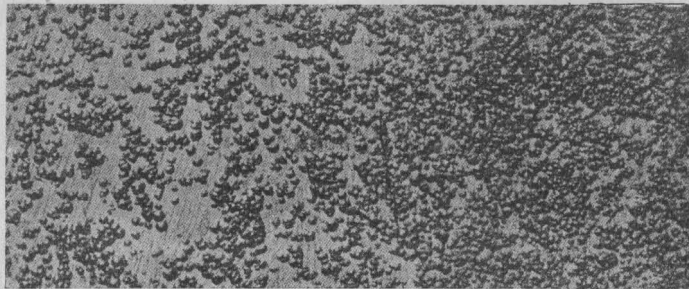


Рис. 2. Поверхность листа олова, усыяннаго бородавчатыми разраженіями, послѣ трехъ мѣсяцевъ болѣзни.

и при описанной выше болѣзни, покрываются матовыми пятнами и разрушаются; этотъ процессъ передается при соприкосновеніи здоровому металлу. Опытъ показалъ что если взять листъ уже заболѣвшаго олова и привести его въ соприкосновеніе съ бѣлымъ листовымъ желѣзомъ, то зараженіе наступаетъ въ теченіе одного дня при комнатной температурѣ. Появляются матовыя пятна кристаллическаго сложенія, распространяющіяся на весь листъ. Здѣсь собственно перерожденію подвергается не само желѣзо, а слой олова, покрывающій его поверхность. Такимъ образомъ болѣзнь несомнѣнно заразна, и если въ кипѣ листовъ олова появился хотя одинъ зараженный листокъ (съ матовыми пятнами), то онъ заразитъ и всѣ остальные, если не будетъ во-время удаленъ.

Интересные случаи заразительнаго заболѣванія наблюдались и среди другихъ металловъ. Въ одномъ случаѣ отъ заразы пострадала цѣлая партія ламповыхъ резервуаровъ изъ желтой меди. Не только бывшіе въ употребленіи, но и совершенно новые резервуары безъ всякой причины подвергались разрушенію; въ нихъ появились трещины, матовыя пятна, резервуары теряли свою форму и становились непригодными. И здѣсь оказалось, что химическій составъ металла оставался неизмѣненнымъ, но измѣнились физическія свойства. Пораженныя мѣста приобрѣтали кристаллическое строеніе, теряли прочность, что и вело къ появленію тре-



Рис. 3. Старинный кофейникъ изъ олова, заболѣвшій чумой.

лицевой и на оборотной сторонахъ, и можетъ обезцѣнить цѣлую коллекцію, если не будутъ приняты такія же строгія мѣры изоляціи, какъ и при настоящей чумѣ. Старинный кофейникъ (рис. 3) подвергся заболѣванію чумой послѣ того, какъ попалъ на покой въ коллекцію. До того, время отъ времени подвергаясь дѣйствію высокой температуры при варкѣ кофе, олово чайника предохранялось отъ заболѣванія. Отсюда слѣдуетъ, что для сохранения предметовъ изъ олова слѣдуетъ поддерживать въ помѣщеніяхъ, гдѣ они находятся, въ музеяхъ и т. п. температуру выше 18°.

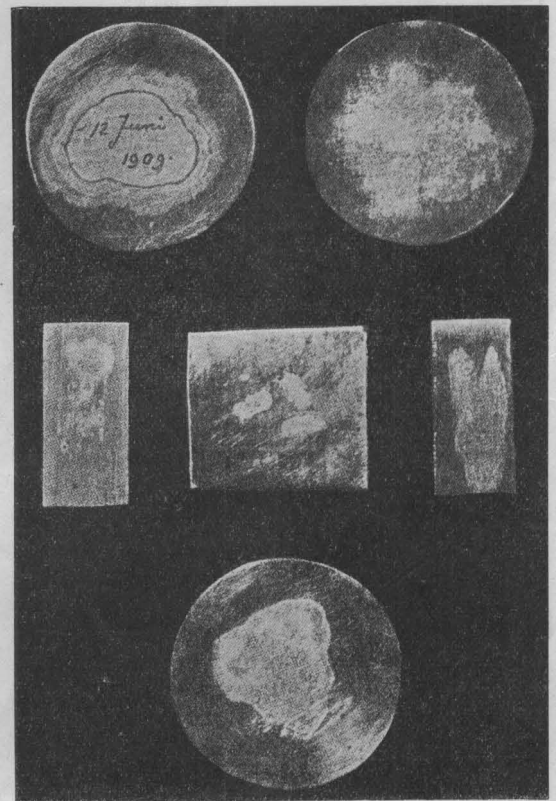
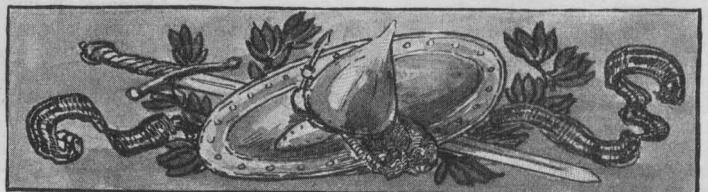
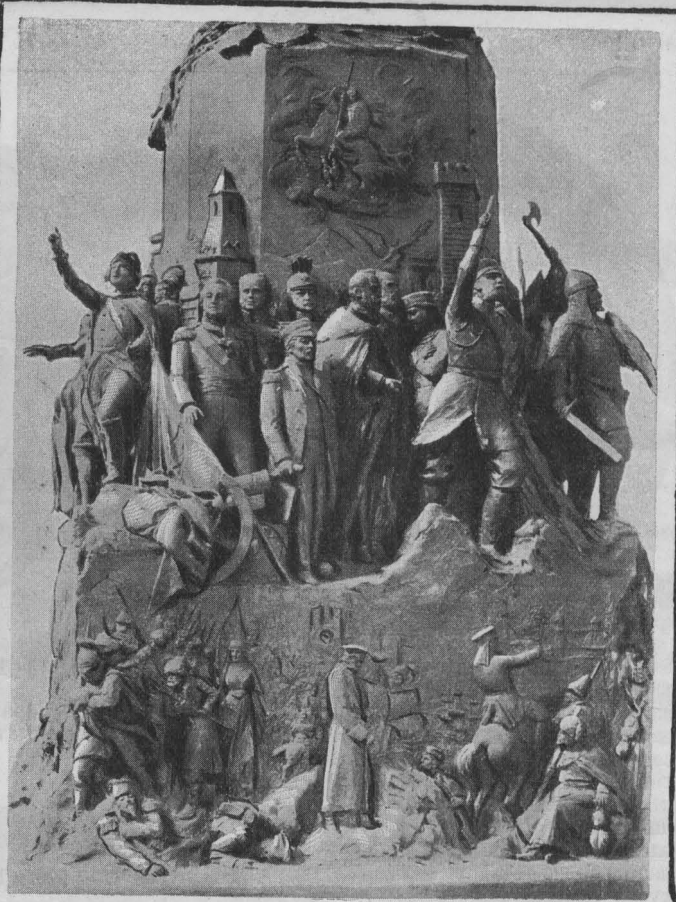
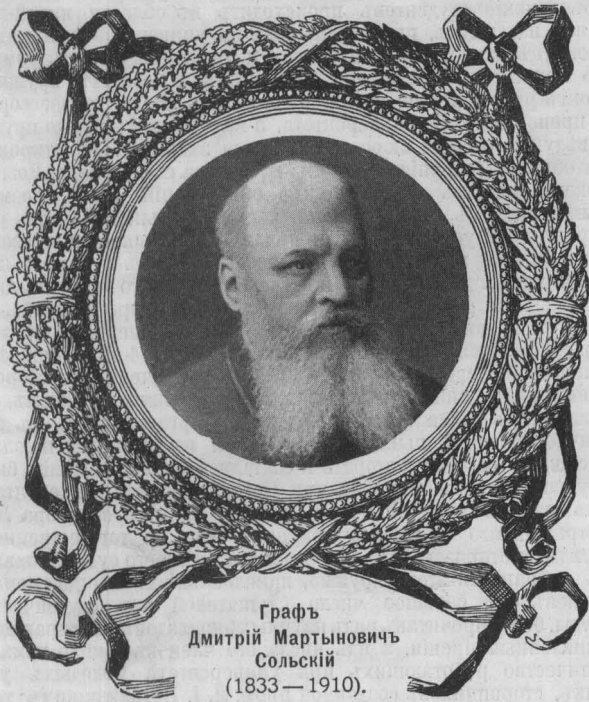


Рис. 4. Прививка чумы на листьяхъ бѣлой жести.



„Военная история Россіи“, модель памятника для Русскаго Историческаго Музея, работы академика скульптуры А. И. Адамсона.



Графъ
Дмитрій Мартыновичъ
Сольскій
(1833—1910).

Статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, одинъ изъ главныхъ участниковъ реформъ царствованій Императоровъ Александра II, Александра III и нынѣ здравствующаго Государя Императора. Д. М. Сольскій состоялъ съ 1878 г. государственнымъ контролеромъ и ввелъ крупныя преобразования въ дѣлѣ государственнаго контроля; въ качествѣ предсѣдателя департамента экономіи Государственнаго Совѣта, понесъ большіе труды въ области финансоваго законодательства, направленные къ возможному уравненію податнаго бремени, упроченію государственнаго кредита и исправленію нашего денежнаго обращенія (золотая валюта, введеніе винной монополіи, преобразование промысловаго налога и др.); Д. М. также много способствовалъ успѣху русской промышленности и развитію всѣхъ отраслей народнаго труда и главнѣйшей изъ нихъ — земледѣльческой. За свои исключительно выдающіяся государственныя заслуги Д. М. былъ Высочайше удостоенъ и исключительной награды — въ 1902 г. возведенъ въ графское достоинство. До 1906 г. гр. Д. М. состоялъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ.

цинъ и распаду. При этомъ заразительность была настолько сильна, что достаточно было болѣе или менѣе длительного соприкосновенія для передачи болѣзни отъ больного резервуара къ здоровому, въ которомъ болѣзнь распространялась такъ же быстро и приводила къ его разрушенію.

Указанныя наблюденія имѣютъ огромное практическое значеніе, и въ будущемъ, быть-можетъ, распознаваніе и лѣченіе заразительныхъ болѣзней металловъ будетъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ.

Въ Государственной Думѣ.

Третье чтеніе законопроекта о нормальномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ подвигается впередъ очень медленно. Вносится множество поправокъ: оппозиція пытается расширить узкія рамки отдыха, устанавливаемые законопроектами, правыя фракціи желаютъ сузить ихъ еще больше... Въ засѣданіяхъ 32—35-мъ Гос. Дума успѣла принять только ст. 4—9 законопроекта, отклонивъ всѣ предложенныя поправки.

Въ 32-мъ засѣданіи, 7 декабря, разсматривался вторично законопроектъ объ отводѣ подъ переселеніе свободныхъ киргизскихъ земель, принятый Гос. Думою еще весной этого года, но возвращенный Гос. Совѣтомъ въ Думу вслѣдствіе неправильной ссылки въ проектѣ на дѣйствующій законъ. Гос. Дума приняла проектъ полностью.

Въ 33-мъ засѣданіи, 8 декабря, былъ принятъ законопроектъ о предоставленіи Крестьянскому банку полномочія на 5 лѣтъ принимать покупку земель на свой счетъ. По мнѣнію оппозиціи, выступившей противъ этого проекта, банкъ пока успѣлъ ликвидировать только половину скупленныхъ имъ земель, и у него остается еще на рукахъ свыше 2½ милл. десятинъ; что банкъ поддерживаетъ интересы продавцовъ и стремится къ возвышенію земельныхъ цѣнъ; наконецъ, что дѣятельность банка направилась по пути, совершенно не соответствующему его цѣлямъ, такъ какъ онъ стремится получать барыши, перепродавая крестьянамъ землю

по цѣнѣ болѣе высокой, чѣмъ она досталась ему. Ораторы же изъ центра и съ правыхъ скамей находили эти упреки Крестьянскому банку совершенно несправедливыми, доказывая, что цѣны на земли всюду растутъ сами по мѣрѣ того, какъ усиливается интенсификація земледѣлія. Министръ финансовъ указалъ на то, что количество земель, покупаемыхъ банкомъ, слишкомъ ничтожно, чтобы могло повліять на пониженіе или повышеніе земельныхъ цѣнъ, и что погоней за барышами Крестьянскій банкъ не занимался, такъ какъ за ликвидированныя земли имъ было получено прибыли 2—5%, т.-е. доходъ могъ послужить лишь на покрытие расходовъ по приведенію имѣнія въ удобный для ликвидаціи видъ. Эти объясненія обезпечили побѣду законопроекту.

Въ вечернемъ засѣданіи Гос. Дума, обсуждая вопросъ о покупке морскимъ мин-ствомъ во Владивостокѣ кардифскаго каменнаго угля вмѣсто мѣстнаго — дуйскаго, выразила пожеланіе, чтобы Высочайше назначенная комиссія для обследованія хозяйства морского вѣдомства обратила особое вниманіе на данный вопросъ государственнаго значенія.

Въ 34-мъ засѣданіи, 10 декабря, Гос. Думѣ предстояло рассмотреть докладъ согласительной комиссіи, избранной для устраненія разногласій, возникшихъ между Гос. Совѣтомъ и Гос. Думой по законопроекту о введеніи состязательнаго начала въ обрядъ преданія суду. Согласительная комиссія стала на точку зрѣнія Гос. Совѣта, — однако Гос. Дума отклонила всѣ ея поправки и вновь приняла проектъ въ первоначальной редакціи. Мотивы такого образа дѣйствій были таковы: „Если редакція Гос. Думы будетъ Совѣтомъ отвергнута, — говорили деп. Андроновъ и Шубинскій: — то обвиняемые ничего не потеряютъ; останется существующій теперь порядокъ, который во всякомъ случаѣ лучше того, что проектируетъ Гос. Совѣтъ“.

Въ этомъ же засѣданіи началось обсужденіе законопроекта объ оздоровленіи Петербурга.

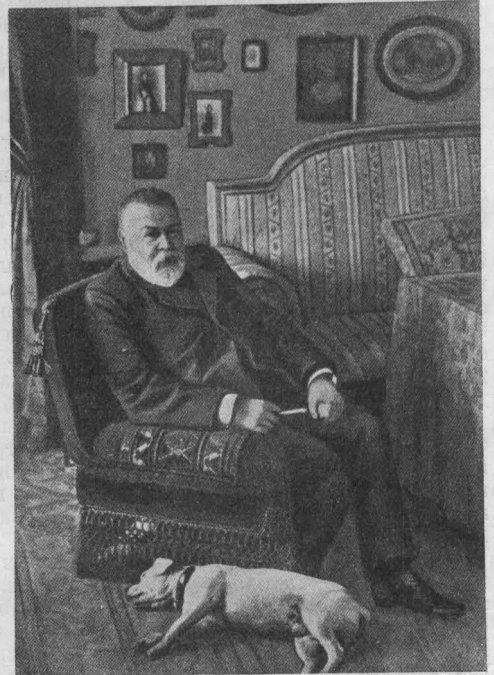
„Военная исторія Россіи“.

(Съ рис. на стр. 938).

Въ недалекомъ будущемъ предстоитъ открытіе „Русскаго Военно-историческаго Музея“, задачей котораго является собираніе и храненіе памятниковъ русской военной старины. Однимъ изъ главныхъ украшеній этого музея будетъ прекрасная аллегорическая группа „Военная исторія Россіи“, — величественный памятникъ, сооружаемый извѣстнымъ нашимъ скульпторомъ, академикомъ А. Адамсономъ. Памятникъ этотъ будетъ поставленъ въ круглой залѣ Музея.

Въ настоящемъ № нашего журнала мы воспроизводимъ общій видъ модели памятника и нѣкоторыхъ его частей. Памятникъ состоитъ изъ трехъ частей: нижней, средней и верхней. Нижняя часть (барельефная), служащая пьедесталомъ группы, заключаетъ въ себѣ аллегорическія группы, которыя изображаютъ главнѣйшіе моменты русской военной исторіи и важнѣйшіе подвиги русской вооруженной силы, послужившіе дѣлу созиданія нашего государства. Средняя часть образована отдѣльными фигурами выдающихся историческихъ военныхъ дѣятелей, и изъ ихъ группы какъ бы вырастаютъ верхняя, главная аллегорическая фигура Россіи, вѣнчающая собою весь памятникъ.

Барельефы нижней части представляютъ собою какъ бы



Михаилъ Яковлевичъ Вилліе
(1838 — 1910),

академикъ живописи, авторъ многихъ интересныхъ акварелей, изображающихъ по преимуществу виды старинныхъ русскихъ церквей, дворцовъ, монастырей и вообще памятниковъ русской архитектурной старины. М. Я. Вилліе принадлежитъ починъ въ дѣлѣ художественнаго охраненія нашихъ старинныхъ реликвій отъ всеразрушающаго времени и человѣческаго невѣжества.



Василій Ивановичъ Сергѣевичъ
(1832 — 1910).

заслуженный ординарный профессор Петербургского университета, член Государственного Совета. Ученые труды В. И. по истории русского права („Вѣче и князь“, „Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ“, „Государство и право въ исторіи“, „Вольные и невольные слуги московскихъ государей“, „Время возникновения крестьянской поземельной общины“, „Полное учение о правѣ и нравственности“ и др.) создали ему одно изъ блестящихъ именъ въ области историко-юридическихъ знаній. Какъ профессоръ, В. И. былъ художникъ каѳедры, создававшей на своихъ лекціяхъ яркія картины государственнаго устройства, бытовыхъ, политическихъ и правовыхъ отношеній въ старой Руси. Принимая дѣятельное участіе въ работахъ нашего высшаго законодательнаго учрежденія, В. И. предсѣдательствовалъ въ особой комиссіи по разработкѣ законопроекта объ авторскомъ правѣ. Во времена революціонной неурядицы В. И. былъ ректоромъ Петербургскаго университета. За свои ученые заслуги В. И. былъ избранъ почетнымъ членомъ цѣлага ряда университетовъ и ученыхъ обществъ.

художественный краткій конспектъ нашей исторіи, хорошо знакомой намъ съ школьнаго возраста. Здѣсь мы видимъ и былинныхъ богатырей, и удѣльныхъ князей, и героевъ эпохи татарскаго ига, и св. Сергія Радонежскаго, благословляющаго Ослябю и Пересвѣта на борьбу съ игомъ. Далѣе предъ нами проходятъ въ заваленныхъ очертаніяхъ барельефа знакомыя фигуры Ивана Сусанина, героевъ Троице-Сергіевской лавры, первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, и сцены изъ петровскихъ, екатерининскихъ и александровскихъ побѣдоносныхъ войнъ. Здѣсь и наполеоновская эпопея, и севастопольское сидѣнье, и наконецъ начало войны на Дальнемъ Востоку.

Фигуры средней части памятника тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, поддерживая собою верхнюю группу. На ихъ плечахъ и создается Россія, имъ она и обязана своей мощью и своимъ величіемъ. Государя, цари, народные герои, отъ Олега и до Скобелева, образуютъ одну общую вереницу, сплетаясь въ тѣсномъ братскомъ общеніи...

Надъ ними возвышается мощная женская фигура съ цитомъ и лаврами. Это—Россія. Возлѣ нея стоитъ воинъ, готовый къ защитѣ, а за нею лѣтописецъ-историкъ, который задумчиво смотритъ внизъ на группы героевъ и сцены событій. Статуя Россіи покоится на берегахъ морей—Балтійскаго и Чернаго и океановъ—Ледовитаго и Тихаго. У ногъ ея—двуглавыи орелъ... Высота всей группы—5¹/₂ сажень.

Въ своемъ законченномъ видѣ этотъ величественный памятникъ, ксати сказать, похожій на извѣстный новгородскій памятникъ Тысячелѣтія Россіи (работы Микѣшина), несомнѣнно, будетъ производить сильное впечатлѣніе, и постановка его въ вышеупомянутомъ Музеѣ является какъ нельзя болѣе умѣстной.

Кружокъ философіи права профессора Л. І. Петражицкаго при Спб. университетѣ.

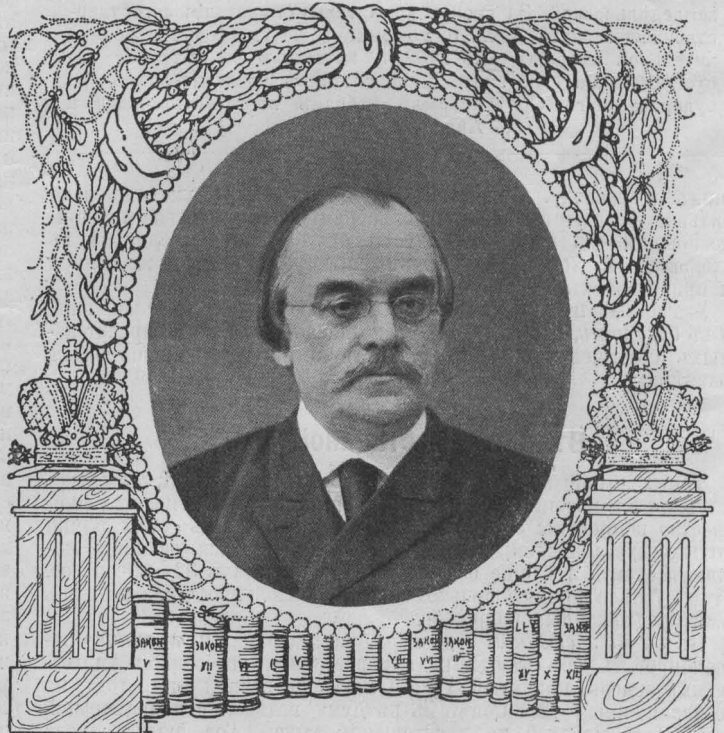
За послѣдніе годы академическая жизнь русскаго студенчества ознаменовалась новымъ явленіемъ—возникновеніемъ

отдѣльных самостоятельныхъ кружковъ на научной почвѣ. Объединеніе студентовъ происходитъ въ области какой-либо одной изъ наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, и имѣть свою цѣлью детальное изученіе и разработку изслѣдуемыхъ ею вопросовъ и проблемъ. Во главѣ подобныхъ кружковъ стоитъ руководитель, приглашаемый изъ числа профессоровъ и преподавателей университета, а внутренней жизнью кружка завѣдуютъ особыя бюро, избираемыя закрытой баллотировкой на общихъ собраніяхъ кружка изъ числа его членовъ. Возникновеніе новыхъ студенческихъ организацій стало возможнымъ лишь съ того времени, когда печальной памяти университетскій уставъ 1884 года началъ расшатываться въ своихъ основахъ и признаваться нецѣлесообразнымъ и устарѣлымъ. Какъ извѣстно, этотъ уставъ считалъ каждаго студента лишь отдѣльнымъ посетителемъ университета и запрещалъ общеніе студентовъ въ какой-либо формѣ. Поэтому первому кружку, зародившемуся еще при дѣйствіи устава 1884 года, пришлось вынести на своихъ плечахъ много злоключеній со стороны опеки надъ университетскою жизнью. Такимъ кружкомъ, положившимъ начало всѣмъ подобнымъ организаціямъ въ студенческой средѣ, пышно развившимся въ высшихъ школахъ Россіи, по образцу котораго и создались эти организаціи, былъ кружокъ философіи права при Петербургскомъ университетѣ. Онъ возникъ на почвѣ новаго ученія о правѣ профессора Л. І. Петражицкаго и осенью текущаго года на торжественномъ засѣданіи отпраздновалъ уже десятилѣтіе своего существованія. На собраніяхъ этого кружка, привлекаявшихъ всегда, помимо членовъ его, большое число слушателей изъ студенческой среды, были прочитаны рядъ научныхъ докладовъ, вызывавшихъ оживленныя пренія, а изъ числа его членовъ вышло немалое количество работающихъ при университетѣ молодыхъ ученыхъ, сторонниковъ созданной проф. Л. І. Петражицкимъ такъ называемой „психологической“ теоріи права.

Къ рисункамъ.

„Самриль“ Д. Рейнольдса—выразительный и яркій этюдъ, имѣющій однако ту прелесть законченности и совершенства, которая бываетъ свойственна большимъ картинамъ. Яркая дѣтская фигурка на темномъ фонѣ какъ бы символизируетъ собою свѣтлую невинность, сияющую среди житейской мглы...

Сказка „Алеша Поповичъ“, помѣщенная въ извѣстномъ сборникѣ Афанасьева, представляетъ собою, въ сущности, перифразъ былинны, при чемъ Алеша Поповичъ смѣшивается съ другимъ былиннымъ героемъ—Василіемъ Вуслаевичемъ. Въ сказкѣ говорится о томъ, какъ Алеша Поповичъ бился съ Ту-



Семень Викентьевичъ Пахманъ
(1825 — 1910).

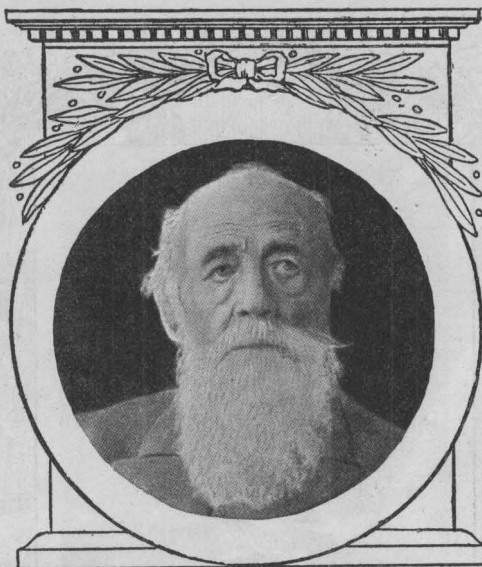
сенаторъ, одинъ изъ выдающихся знатоковъ русскаго гражданскаго права, авторъ знаменитыхъ трудовъ: „Обычное гражданское право въ Россіи“ и „Исторія кодификаціи гражданскаго права“, ставшихъ настольною книгою каждаго юриста-цивилиста. С. В. занималъ профессорскую каѳедру съ 27-лѣтняго возраста: въ Казанскомъ и Петербургскомъ университетахъ, въ Александровскомъ лицѣѣ и Училищѣ Правовѣднія.

гариномъ: Тугаринъ летать на бумажныхъ крыльяхъ по поднебесью и грозился напасть на Алешу сверху. „И взмолился Алеша Поповичъ:—Дай Богъ изъ тучи черной части дождичка крупенистаго. Смочило бы у Тугарина крыльица бумажныя“. И вотъ пошелъ дождь, бумажныя крыльица у сказочнаго авіатора—Тугарина подмокли, и онъ свалился на землю. И тутъ Алеша сталъ биться съ нимъ и отрубилъ у него голову.

Этотъ эпизодъ сказки и изображенъ на рисункѣ А. Нордберга.

Эффектная символическая картина Жоржа Лоста „*Что повелѣлъ Господь—и что сдѣлалъ человекъ*“—будитъ мысль и направляетъ ее къ сознанію тѣхъ великихъ противорѣчій между заповѣданнымъ и совершаемымъ, которыя царятъ на землѣ. Милосердіе, любовь къ ближнимъ и врагамъ, исканіе правды—все это отступаетъ на задній планъ, покрывается дымкой забвенія и искажается. И даже свѣтлый образъ Христа тускнѣетъ предъ пышной и величественной фигурой земнаго католическаго первосвященника, папы...

Извѣстный художникъ Р. Френцъ даетъ намъ яркую и живую картину возвращенія съ медвѣжьей охоты. По занесенному снѣгомъ перелѣску тянется цѣлый охотничій поѣздъ; охотники, гонцики на лыжахъ чернѣютъ здѣсь и тамъ на снѣгу, и отъ всей этой живой сцены вѣетъ свѣжимъ зимнимъ вѣтеркомъ и бодрящей веселостью...



Вильгельмъ Генкель, распространитель русской литературы въ Германіи, переводчикъ Достоевскаго, Тургенева, Костомарова, Гаршина, Л. Н. Толстого, Полонскаго, Чехова, Горькаго, Короленко и многихъ другихъ русскихъ писателей. Скончался въ Мюнхенѣ на 86 году жизни.

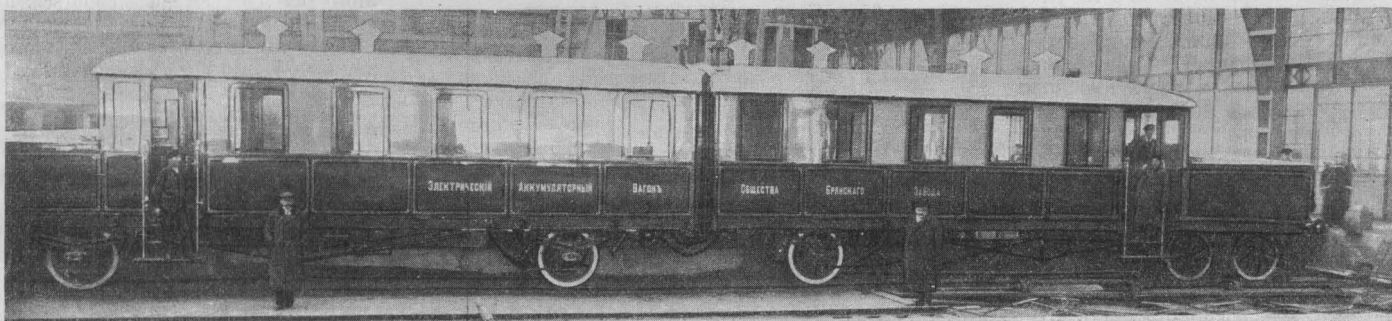
„Фіорды“.

Вышелъ въ свѣтъ 7-й сборникъ „Фіордовъ“ (изд. Т-ва А. Ф. Марксы, ц. 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.).

Если предыдущій—6-й сборникъ „Фіордовъ“ весь обвѣянъ дыханіемъ смерти, то послѣдній—7-й сборникъ проникнутъ лучами любви и жизни и посвященъ женщинамъ.

Изъ скандинавскихъ современныхъ писателей въ немъ выступаютъ Вернеръ фонъ-Гейденстамъ (шведъ), затѣмъ уже извѣстная нашимъ читателямъ датская писательница Каринъ Михаэлисъ (авторъ „Дѣвочки“), и наконецъ совершенно еще неизвѣстный нашей читающей публикѣ талантливый датскій драматургъ—Эдгаръ Гейеръ.

Первый изъ этихъ авторовъ пользуется у себя на родинѣ большою популярностью. Въ послѣдній сборникъ „Фіордовъ“ вошли четыре небольшихъ его произведенія—двѣ новеллы и два драматическихъ этюда, объединенныхъ однимъ общимъ заглавіемъ „Святой Георгій Побѣдоносецъ и Драконъ“. Въ Гейденстамѣ сливаются воедино яркій лирикъ-поэтъ и прозаикъ въ духѣ „Ренессанса“, лѣбящій почти скульптурные по своей выпуклости образы. Въ „Св. Георгіи и Драконѣ“ онъ символизируетъ любовь небесную и любовь земную, чувственную. „Нельзя служить разнымъ богамъ. Нужно избрать себѣ одного и служить ему всеѣмъ существомъ своимъ, цѣльно и неизмѣнно.“



Первый пассажирскій электрическій вагонъ. Электрическій вагонъ (I и II класса) совершаетъ въ настоящее время пробные рейсы по Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дор. отъ С.-Петербурга до Павловска; дѣлаетъ до 55 верстъ въ часъ, заряжается электрическими батареями силою въ 320 вольтъ, что обходится около 18 руб. за рейсъ; вагонъ можетъ безъ перезарядки пройти 120 верстъ. Батарейные аккумуляторы находятся по обѣимъ сторонамъ вагона на бѣгункахъ (по 160 вольтъ). При вагонѣ съ обѣихъ сторонъ находится по электро-мотору въ 80 силъ каждый. Вагонъ переносный, вѣситъ 62 тонны и обошелся въ 65 тыс. франковъ. Тормозъ при немъ американской воздушной системы. Сигналы вагонъ даетъ сиреной. При перемѣнѣ направленія движенія вагона машинистъ вынимаетъ и беретъ съ собою электрорегуляторъ, переходитъ на сторону направленія вагона, включаетъ его и можетъ немедленно пустить вагонъ въ обратномъ направленіи.



Проф. Л. И. Петражицкій
Кружокъ философіи права профессора Л. И. Петражицкаго при Петербургскомъ университетѣ.

А тотъ, кто колеблется, кто раздваивается въ своемъ служеніи, тотъ самъ готовить себѣ тяжкую кару“ — въ этихъ словахъ заключается главная идея всѣхъ четырехъ произведеній Гейденстама, проникнутыхъ благородной чистотою религіознаго и нравственнаго настроенія и согрѣтыхъ лучами настоящаго поэтическаго вдохновенія.

„Опасный возрастъ“ — повѣсть К. Михаэлиса явилась цѣлымъ литературнымъ событіемъ въ Даніи и Германіи. Въ послѣдней въ самое короткое время повѣсть датской писательницы разошлась въ количествѣ 30.000 экземпляровъ и создала Михаэлису крупное имя. Нѣмецкіе критики, во главѣ съ Рудольфомъ Лотаромъ, отмѣтили, что книгу Михаэлиса „нельзя читать безъ жуткаго чувства“. Въ сущности, это даже не книга, а сама жизнь, глядящая на читателя со страницъ дневника сорокалѣтней женщины, желающей прежде всего быть просто правдивой. „Опасный возрастъ“ — это тотъ періодъ „второй молодости“, который у женщины сказывается такъ же своеобразно и сильно, какъ и у мужчины. Женщина въ эти годы, по словамъ автора, старѣетъ только наружно, внутренняя жизнь ея не остается на точкѣ замерзанія, но продолжаетъ расти и цвѣсти еще долго въ теченіе своей зимы. Но при этомъ „суть“ женщины остается для мужчины книгою за семью печатами. „Опасный возрастъ“ тѣмъ именно и опасенъ, что онъ исполненъ острогаго разлада и трагическаго несоответствія между внутреннимъ и вѣдшимъ міромъ женщины, чего мужчины не видятъ и не чувствуютъ.



П. А. Гердтъ,

солисть Его Величества, артистъ с.-петербургской Императорской балетной труппы, по поводу 50-лѣтняго юбилея художественной дѣятельности, удостоенный Высочайшаго награжденія орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Окончилъ курсъ Императорскаго театральнаго училища въ 1860 г., ученикъ Петипа-отца, Югансона и М. И. Петипа. Создалъ множество ролей въ обширномъ балетномъ репертуарѣ, какъ выдающійся по таланту драматической мимистъ.

Р. Лотаръ говоритъ, что К. Михаэлиса создала новое понятіе „женщина за сорокъ“, подобно тому, какъ Бальзакъ вычеканилъ определенный женскій типъ „Femme de trente ans“.

Разбираясь въ причинахъ „трагизма“ сорокалѣтняго возраста, К. Михаэлиса не щадитъ и мужчинъ. Ея повѣсть, въ общемъ, полна безпощадныхъ разоблаченій женскихъ слабостей и мужской ограниченности и умственной и нравственной затхло-сти. Но симпатіи ея все-таки склоняются на сторону „жертвъ сорокалѣтняго возраста“, являющихся жертвами какъ своего опаснаго возраста, такъ и мужской ограниченности и недостатка чуткости.

Третій авторъ седьмого сборника „Фюрдовъ“, Эдгаръ Гойеръ, фигурируетъ здѣсь комедіей „Дебютъ Венеры“. Основной мотивъ этой комедіи близко соприкасается съ идеей повѣсти Михаэлиса. Здѣсь тоже рѣчь идетъ объ „опасномъ возрастѣ“, и произведеніе Гойера является какъ бы дополненіемъ къ упомянутой повѣсти. Героиня пьесы, опереточная примадонна, дѣлаетъ слѣдующее признаніе: „Для насъ, женщинъ, особенно для артистокъ, молодость и красота—все. И нужно много мужества, чтобы въ одинъ прекрасный день сказать самой себѣ: „Довольно. Съ этого дня я отказываюсь бороться! я знаю, что я уже стара. Съ этого дня я не буду лгать себѣ самой. Съ этого дня я знаю, что моя пѣсенка спѣта...“

Дѣйствующія лица пьесы—въ особенности сама героиня — очерчены чрезвычайно рельефно и живо. Реплики ихъ остроумны и ярки, и вся пьеса Гойера отличается большой сценичностью и литературностью.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Желающіе получить „Ниву“ съ начала будущаго года **безъ перерыва** благоволятъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки на 1911 годъ**, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы не можемъ поручиться за своевременную доставку первыхъ №№ журнала. Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтоваго перевода (**Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1911 г. см. № 49 на стр. 874—877.**)

Считаемъ долгомъ заявить, что разосланный нами бланкъ почтовыхъ переводовъ изготовленъ по казенному образцу С.-Петербургскаго Почтамта и, согласно извѣщенію означеннаго Почтамта отъ 30 сент. с. г. № 35673, долженъ приниматься **безпрепятственно** всѣми почтов. учрежденіями, — на что просимъ гг. подписчиковъ **ссылаться** въ томъ случаѣ, если бы какая-либо почтовая контора отказала въ приѣмѣ нашихъ бланковъ почтовыхъ переводовъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1911 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника Нивы“, содержащихъ:

12 дополнит. книгъ въ полн. собр. соч. | Остальныя 20 кн. полнаго собр. сочиненій | Полное собраніе соч. въ 8-ми книгахъ

АНТ. П. ЧЕХОВА.

А. Ф. ПИСЕМСКАГО.

Л. А. МЕЯ.

Безъ достав- ки въ Петер- бургъ... **6 р. 50**

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскій линіи... **7 р. 25 н.**

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Гиньельскал, 12... **7 р. 50 н.**

Съ достав- кою въ Пе- тербургъ... **7 р. 50**

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи... **8**

За гра- ниду. **12 р.**

Гг. новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ за 1911 г. со всѣми приложеніями, еще **первые 18 книгъ соч. А. Ф. Писемскаго**, приложенныя при „Нивѣ“ за 1910 г., доплачиваютъ: безъ доставки: въ СПб. 2 р., въ Москвѣ и Одессѣ: 2 р. 25 н., съ доставкою и пересылкою: 2 руб. 50 коп. (за границу 3 р.), а гг. подписчики, желающіе получить **первые 16 томовъ соч. А. П. Чехова**, приложенныя при „Нивѣ“ за 1903 г., доплачиваютъ: безъ доставки: въ СПб.: 4 руб., въ Москвѣ и Одессѣ: 4 р. 25 н., съ доставкою и пересылкою: 4 руб. 50 коп. (за границу 5 р.). — Эти доплаты гг. подписчики могутъ производить и частями по ихъ усмотрѣнію до 1 Сентября будущаго 1911 года съ тѣмъ, что книги соч. Писемскаго за 1910 г. и соч. Чехова за 1903 г. имъ высылаются не ранѣе полученія сполна всей суммы доплаты. Въ виду необходимости опредѣлить заблаговременно, въ какомъ количествѣ экземпляровъ слѣдуетъ вновь печатать соч. Писемскаго за 1910 г. и Чехова за 1903 г., гг. подписчики, желающіе **обезпечить себѣ полученіе этихъ сочиненій**, благоволятъ заявить объ этомъ при самой подпискѣ на „Ниву“ 1911 г. и приложить не мене одного рубля въ счетъ доплаты за каждое изъ этихъ сочиненій. —

Содержаніе. ТЕКСТЪ. Судьба. Романъ А. М. Федорова. (Окончаніе). — Петь. Разказъ П. Сергѣенко. — А. К. Шеллеръ-Михайловъ. — „Свершилось“ — исторія Россіи. — Кружокъ философіи права профессора Л. І. Петражицкаго при Слб. университетѣ. — Къ рисункамъ. — „Фюрды“. — Объявленія. РИСУНКИ. Самуиль. — Изъ сказки „Алена Поповичъ“. — Что повѣдалъ Господь — и что сдѣлалъ человѣкъ. — Возращеніе съ медвѣжьей охоты. — А. К. Шеллеръ-Михайловъ. — „Чума металловъ“ (4 рисунка). — „Военная исторія Россіи“, модель памятникъ для Русскаго Историческаго Музея, работы академика скульптуры А. И. Адансона. — Графъ Д. М. Сольскій. — М. Я. Вилліе. — В. И. Сергѣевичъ. — С. В. Пахманъ. — Кружокъ философіи права проф. Л. І. Петражицкаго. — Вильгельмъ Генкель. — П. А. Гердтъ. Нѣ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. Нвута Гамсуна“ кн. 18.

ПОСЛѢДНІЕ НОВОСТИ



ЛУЧШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ ГРАММОФОНЫ

ТАНАРМЫ ФАВОРИТЬ, ЛИРОФОНЪ, БЕКА И ДРУГ.

СОВЕРШЕННО БЕЗШУМНЫЯ ДВУХСТОРОННІЯ ПЛАСТИНКИ. ОМОКОРДЪ, ФАБРИЧН. СКЛАДЪ

ЯКОВА ПЕТРОВИЧА РОЗМЫСЛОВА
ТРЕБУЙТЕ САДОВАЯ 38 ВЫСЫЛАЮ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ С. ПЕТЕРБУРГЪ БЕЗПЛАТНО
ЦѢНЫ ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ВЪ МІРѢ!
КАРМАН. ПИШУЩ. МАШИНА „TAURU“

До настоящаго времени не существовало еще такого удобства, чтобы можно было носить съ собою въ карманѣ пишущую машину, которой можно пользоваться, гдѣ человекъ бы ни находился, какъ-то: дома, въ поѣздѣ, на кораблѣ и т. д., оказывающая однимъ словомъ тѣ же услуги, что самая дорогая пишущ. машина, и даже превосходящая послѣд. тѣмъ, что такую можно носить съ собою вездѣ и всегда готова къ употреб. Является дѣйствительный вопросъ: **какимъ образомъ такая машина можетъ писать?** Въ отвѣтъ на это объясняю, что благодаря развитію техники удалось усовершенствовать такую констр. карман. пишущ. машины (величина немногимъ больше карманныхъ часовъ), что вокругъ механизма содержится около 100 аршинъ бумаги въ узкой полосѣ (ширина телеграфн. сообщений). Не требуется предварит. знаний; знающій лишь азбуку можетъ съ перваго же раза на ней писать, при чемъ наставляя на желаемую букву и нажимая кнопку, слова выходятъ вполне ясно и безошибочно. Смѣю увѣрить, что кто только получитъ машину „TAURU“ несомнѣнно останется надъ вѣчно благодаренъ. Прошу къ машинѣ относиться серьезно, какъ къ дѣйствительн. практичному и полезному предмету, а не какъ къ дѣтской игрушкѣ. Если машина не понравится, **возвращаю деньги обратно**, но болѣе надѣюсь получить вторично заказы, чѣмъ требованіе обратно денегъ. При заказѣ прошу указать на какомъ языкѣ требуется машина, т. е. имѣются на всѣхъ языкахъ. **Цѣна только 7 р. 50 к.** Пересылка вмѣстѣ съ пошл. 60 к. (въ Сибирь 90 к.) Высыл. налог. плат. и безъ задатка. Адресъ, который можно вырѣзать и старательно приклеить къ открыткѣ или конверту. 3-3



ПАРИЖЪ № 153. Mr. STRUMFELD. S. PARIS. RUE MIRBEL 2 BIS.

Заказ. можно обрац. на всѣхъ языкъ. На закр. письмо накл. 10 к. марку, а на откр. 4 к.

БАНКИРСКІИ ДОМЪ Г. ЛЪСИНЪ
производитъ всѣ банковыя операціи и исполняетъ биржевыя порученія
НЕВСКІИ, 18, уголь Морской.
Для телеграммъ: С.-Петербургъ, ЛЪСИНБАНКЪ. 23-23

GERMANDRÉE ПУДРА, КРЕМЪ, Пудра на Листахъ,
Секретъ красоты, превосходнаго запаха, незаметн. на лицѣ, платно прилегаютъ къ кожѣ и безвредны.
Всеобщая Выставка въ Парижѣ 1900: **ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ**
MIGNOT-BOUCHER, Парфюмеръ, 19, Rue Vivienne, въ ПАРИЖѢ.

Théodore CHAMPION & C^{ie}
13, RUE DROUOT
PARIS
МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ
прейсъ-курантъ бесплатно.



PURGEN
D^r BAYER.
ВУДА ПЕШТЪ.
ИДЕАЛЬНОЕ СЛАБИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Цѣна коробки 65 коп. Оригинальныя коробки снабжены синей бандеролью съ русскою надписью.



КАКАО ВАНЪ-ГУТЕНЪ.

Пейте только **НАСТОЯЩІИ КАКАО ВАНЪ-ГУТЕНА** въ оригинальной заграничной упаковкѣ, тогда Вы наилучшимъ образомъ предохраните себя и своихъ дѣтей отъ холерныхъ бациллъ. Отклоните всякую поддѣлку.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.
Фабриканты С. J. Van Houten & Zoon, Weesp (Голландія).

Кто скоро и легко

ХОЧЕТЬ ВЫУЧИТЬСЯ

ИГРАТЬ НА ФОРТЕПИАНО,

тотъ приобрететъ наилучшую

ШКОЛУ

Г. ПОЛЭ.

На русск., франц. и нѣмецк. языкѣ.
Ч. I и II по 1 р. 50 к.
Объ части вмѣстѣ 2 р. 50 к.
Въ переплетѣ 3 р. 50 к.

**ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ.**

С.-Петербургъ, Морская, 34.
Москва, Кузнецкій мостъ.
Рига, Сарайная, 15.
Высылка вложеннымъ платежомъ.

ВСѢМЪ доступно теперь устройство домашняго электрическаго освѣщенія. Популярное, общепонятное, практическое указаніе къ собственноручному устройству у себя на дому электрическаго освѣщенія безъ машинъ и станцій простыми, несложными домашними средствами. — Обходится на 50% дешевле керосива. Цѣна съ пересыл. и удаковой 1 руб. 33520 нал. платеж. Адресовать: 10—10

Лодзь, Т-во „СЛАВА“ Н.

МАНЕКЕНЫ

отъ 2-хъ р. предд. фабрика, а съ упан. и перес. по почтѣ въ Европ. Россіи и Закавказ. 4 руб. Подробн. прейсъ-кур. съ 100 иллюстр. малек. и указаніемъ снятія мѣрки гг. желающимъ имѣть точную свою фигуру высл. заказ. банд. за 15 к. марку. Складъ и фабрика: СІБургъ. Парголовская улица, соб. д., 12, магазинъ: Невскій, Пассаажъ, 51, Т-во С. Т. Ковалевскій.



Сезонъ 1911 года.
САРАТОВСКАЯ САРПИНКА
ЛЕГКАЯ ЛѢТНЯЯ ТКАНЬ, РУЧНОГО ТКАЧЕСТВА
ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ, КОФТОЧЕКЪ и БѢЛЫХЪ
АЛЬБОМЪ

441 ОБРАЗЕЦЪ

ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 50 КОП.

ФАБРИКАНТЫ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„АНДРЕЙ БЕНДЕРЪ и СЫНОВЬЯ“
сел. Голый Карамышъ, Саратовской губ.

Натуральная минеральная вода



Источники принадлежатъ Французскому Правительству.

Остерегаться поддѣлокъ и точно обозначать источникъ.

VICHY CÉLESTINS

Болезни почекъ, мочевого пузыря. Желудокъ.

VICHY GRANDE GRILLE

Болезни печени и желчнаго пузыря.

VICHY HOPITAL

Болезни пищеварительныхъ органовъ желудка и кишечка.

**ВРЕМЯ
ЛУЧШІЙ
СУДЬЯ!!!**



Возрастающій съ каждымъ днемъ успѣхъ **Перуина-Пето**—лучшее доказательство, что онъ единственное средство для рошенія волосъ. **Перуин-Пето** продается вездѣ по 1 р. 75 к. флак.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ! При покупкѣ ПЕРУИНА-ПЕТО надо непременно слѣдить за тѣмъ, чтобы у горлышка флакона была бы привѣшена ларикская золотая медаль и приложень аттестатъ изобрѣтателя Р. Г. Пето. Все остальное безъ медали и безъ аттестата поддѣлки. Оптовый складъ: Базаръ Марокъ, СІБ., Невскій пр., 20, кв. 8.

Гитары

въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100, 125 и 150 руб.

Балалайки

въ 4, 5, 6, 9, 12, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75 и 100 р., дешевыя 1 1/2, 2 и 3 руб.

Граммофоны

усовершенствованной конструкции въ 15, 18, 25, 35, 45, 55, 75, 100 р. и дороже.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылается по требованію.



Мандолины

въ 8, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125, 150 и 200 р.

Гармоніи

въ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и дороже до 125 руб.

Фортуна

лучшія музыкальныя шкапулки въ 7 1/2, 10, 18, 25, 40, 50, 60, 85, 110 р. и дор.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій м. Рига, Сарайная, 15.



УСТРАНЕНІЕ ПРИЧИНЪ,
вызывающихъ запоръ,
потребленіемъ
КАСКАРИНЪ ЛЕПРЕНСЪ
CASCARINE LEPRINCE

Одна или двѣ пилюли вечеромъ передъ сномъ. Правильное дѣйствіе. Превосходное слабительное, предписываемое всѣми врачами.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

ДЛЯ ЛИЦЪ СТРАДАЮЩИХЪ

Неврастеніей, половымъ безсиліемъ, старческой дряхлостью, истеріей, невралгіями, малокровіемъ, чахоткой, сифилисомъ, послѣдствіями ртутнаго леченія, сердечными болѣзнями (ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцеченіе, перебои, миокардитъ), артеріосклерозомъ, алкоголизмомъ, спинной сухоткой, параличами, слабостью отъ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіемъ и проч.

Въ продажѣ появилось множество малоцѣнныхъ и вредныхъ для здоровья подражаній нашему СПЕРМИНУ, предлагаемъ подъ разными на СПЕРМИНЪ похожими названіями, причемъ, для введенія болѣзныхъ въ заблужденіе, подражатели приводятъ въ своихъ рекламахъ наблюденія врачей надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, приписывая таковыя своимъ подражаніямъ. Въ виду этого мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь лицъ, пользующихся Сперминомъ, отъ подобныхъ средствъ. Всѣ имѣющіе въ литературѣ многочисленныя наблюденія выдающихся ученыхъ и врачей надъ благотворнымъ дѣйствіемъ СПЕРМИНА произведены исключительно надъ нашимъ СПЕРМИНОМЪ-ПЕЛЯ, а поэтому просимъ при покупкѣ обращать вниманіе на названіе **СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ**

ПЕЛЯ, по дѣйствію ничего общаго съ нимъ не имѣющія. Единственнымъ настоящимъ Сперминомъ является СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ, флакон. 3 руб.

Желающимъ высылается безвозмездно богатая литература о Сперминѣ.

**ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ
ПРОФЕССОРЪ ДОКТОРЪ ПЕЛЯ и С-вья.**

Постаащики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСАГО ВЕЛИЧЕСТВА.—С.-Петербургъ, В. О., 7 лин. 18.

БОЛЬНЫМЪ.

При этомъ № прилагается для всѣхъ гг. горожанъ подписчиковъ объявленіе Торговаго Дома „Андрей Бендеръ и Сыновья“.